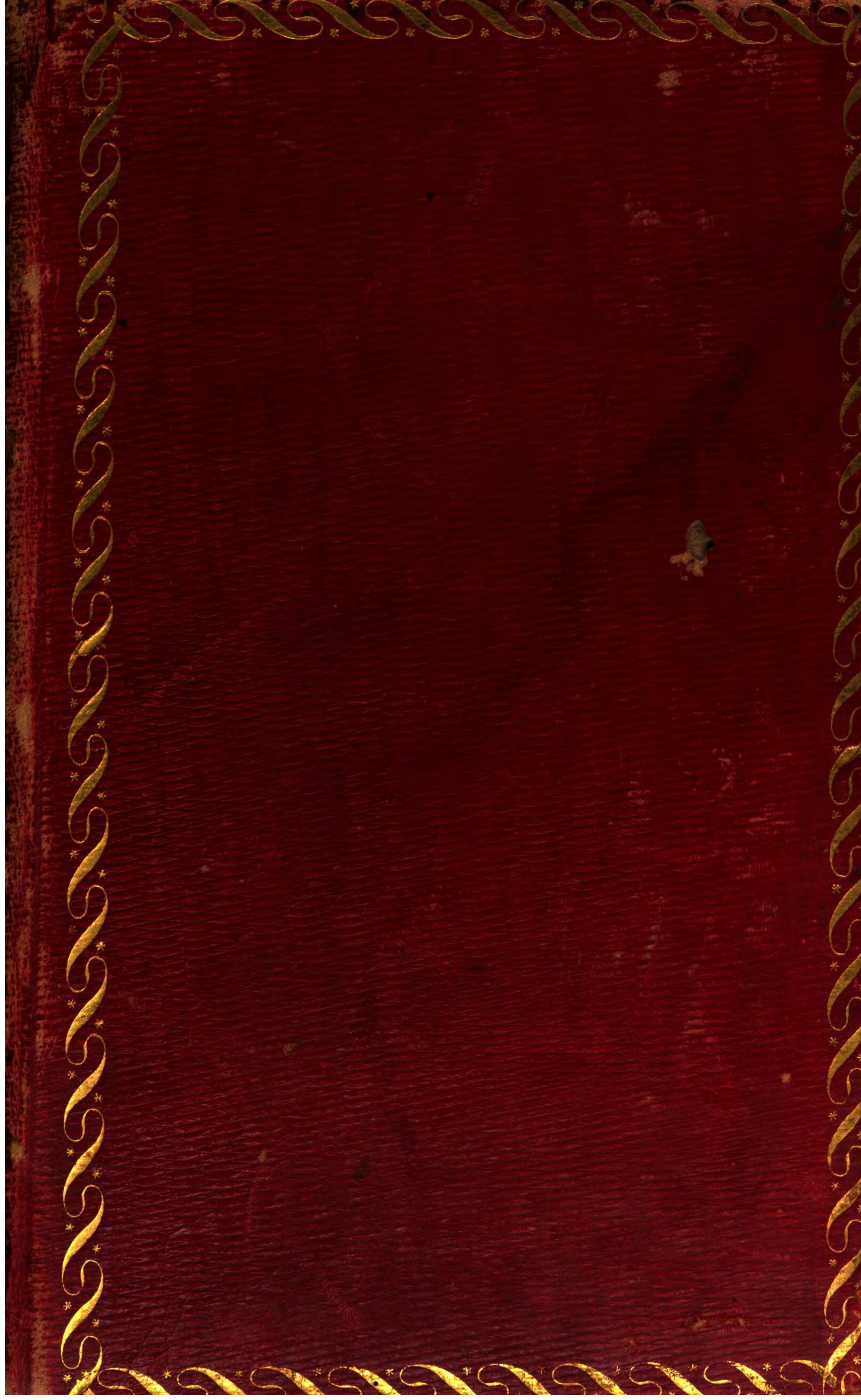
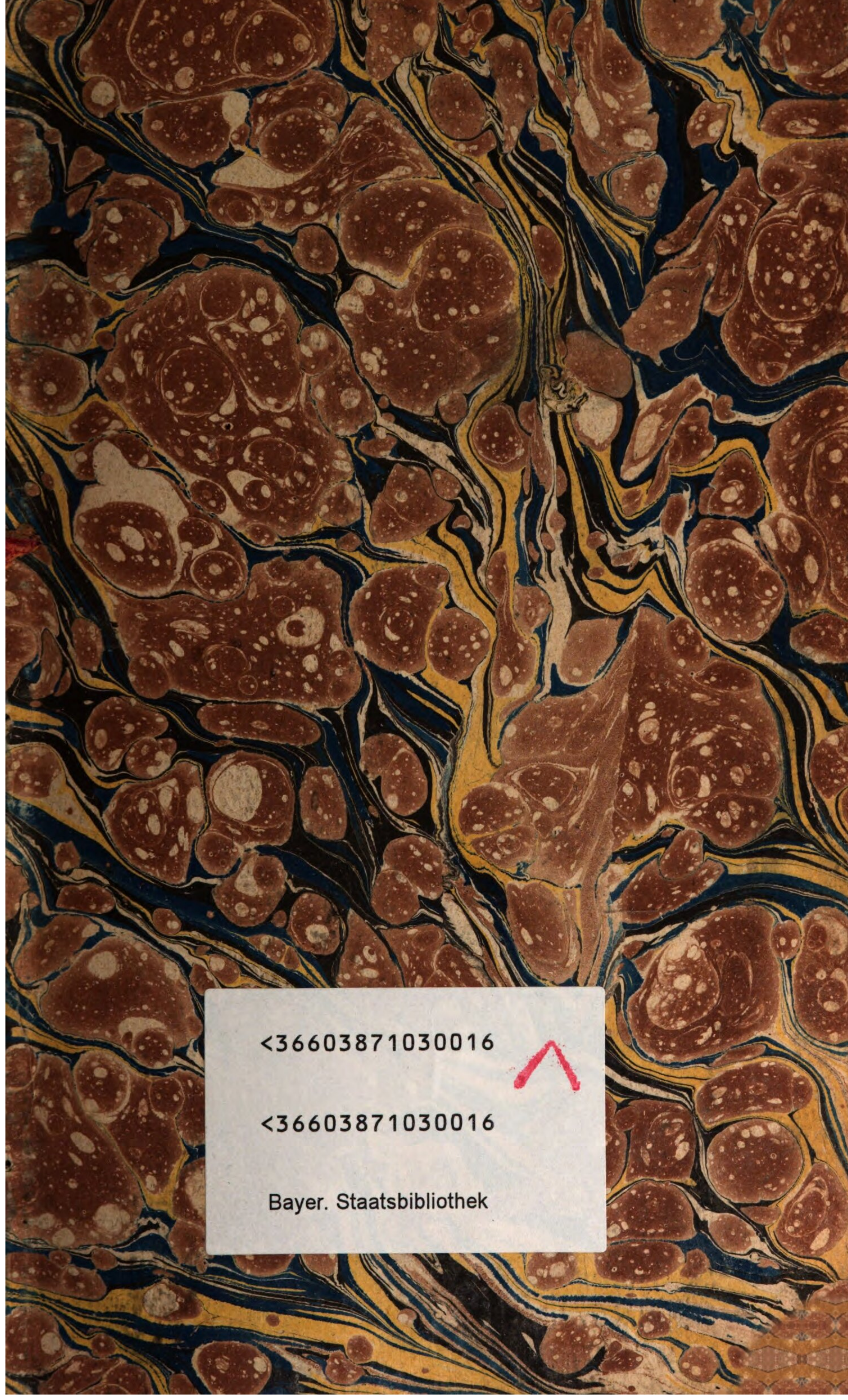

<36603871030016

<36603871030016

Bayer. Staatsbibliothek

M

P. O. Russ. 60¢ (3)

XVc, 17-3

Р.о. русс. 60^е (3

С О Ч И Н Е Н І Я

Д Е Р Ж А В И Н А.

ВІСНИКЪ
АНТИКЪЖА
ПЕШЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ С. ПЕШЕРБУРГСКАГО
ЦЕНЗУРНАГО КОМИТЕТА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ШНОРА, 1808 ГОДА.

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.
Часть III.

Въ Санктпетербургѣ.
1808 года.

За 1641586

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

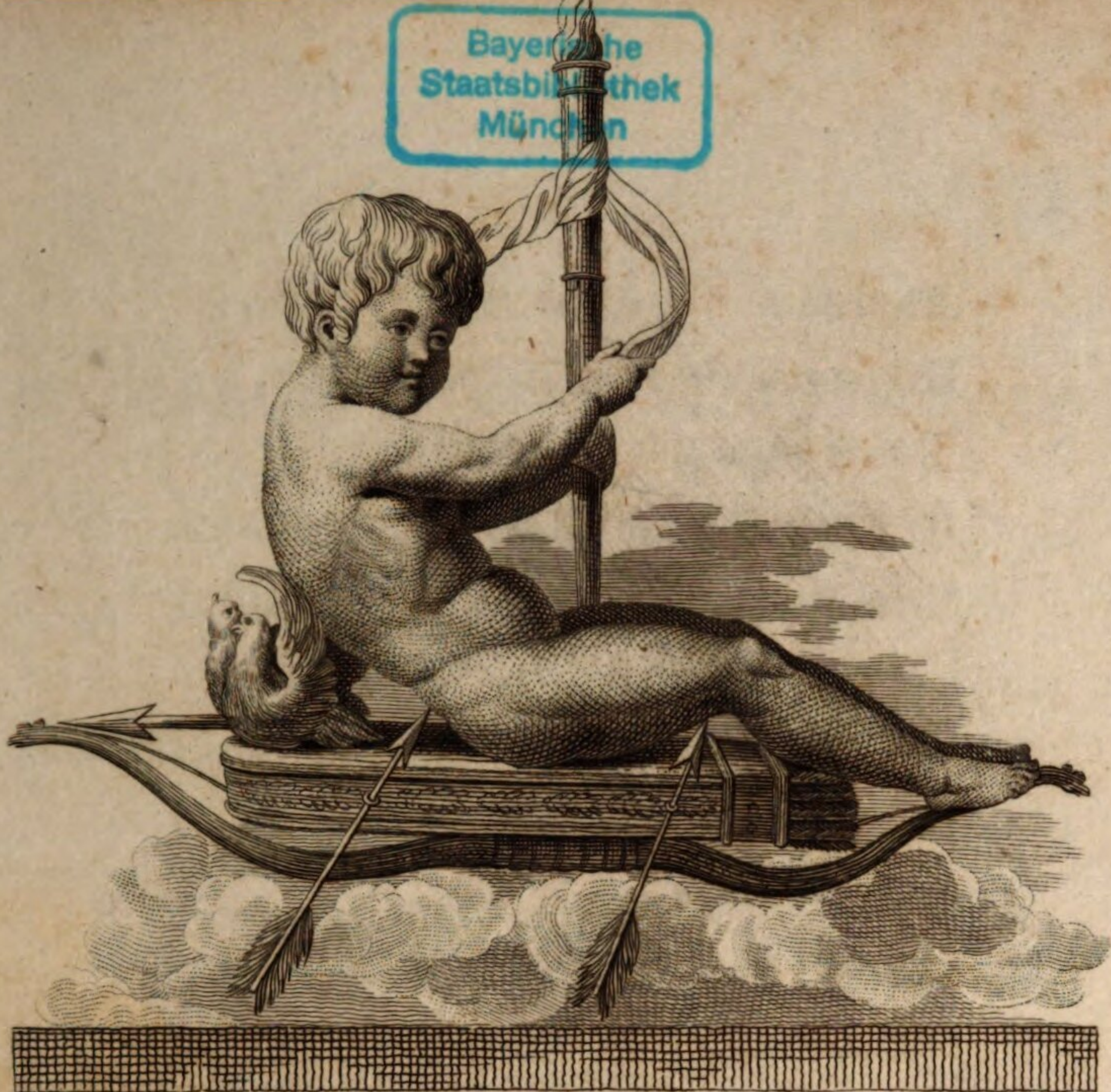
Стран:

I.	Приношеніе Красавицамъ	-	-	1
II.	На рожденіе въ Сѣверѣ порфи- роднаго опрока	-	-	3
III.	Амуръ и Псишея	-	-	7
IV.	Къ Граціямъ	-	-	9
V.	Харипы	-	-	11
VI.	Побѣда красоты	-	-	13
VII.	Къ Музѣ	-	-	15
VIII.	Пришествіе Феба	-	-	17
IX.	Возвращеніе Весны	-	-	19
X.	Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря	-	-	21
XI.	Развалины	-	-	30
XII.	Рожденіе любви	-	-	35
XIII.	На брачныя торжества	-	-	36
XIV.	Явленіе Аполлона и Дафны на Нев- скомъ берегу	-	-	39
XV.	Вѣнчаніе Леля	-	-	42
XVI.	Бесѣда съ Геніемъ	-	-	46
XVII.	Мечта	-	-	47
XVIII.	Къ Анжеликѣ Кауфманъ	-	-	49
XIX.	Анакреонъ въ собраніи	-	-	51
XX.	Спящій Эропъ	-	-	53
XXI.	Къ лирѣ	-	-	55
XXII.	Къ самому себѣ	-	-	56
XXIII.	Пополненіе	-	-	58
XXIV.	На бракъ Графини Лишны	-	-	59
XXV.	Къ Софіи	-	-	61
XXVI.	Крезовъ Эропъ	-	-	62
XXVII.	Къ Эвперпѣ	-	-	63
XXVIII.	Анакреонъ у печки	-	-	66
XXIX.	Пчела	-	-	68
XXX.	Геркулесъ	-	-	69

XXXI.	Люси	-	-	-	-	-	71
XXXII.	Бой	-	-	-	-	-	72
XXXIII.	Купидонъ	-	-	-	-	-	74
XXXIV.	Горючій ключъ	-	-	-	-	-	76
XXXV.	Къ женщинамъ	-	-	-	-	-	77
XXXVI.	Соловей во снѣ	-	-	-	-	-	78
XXXVII.	Венеринъ судъ	-	-	-	-	-	79
XXXVIII.	Рожденіе красоты	-	-	-	-	-	80
XXXIX.	Скромность	-	-	-	-	-	83
XL.	Даръ	-	-	-	-	-	84
XLI.	Желаніе	-	-	-	-	-	86
XLII.	Госпою	-	-	-	-	-	87
XLIII.	Другу	-	-	-	-	-	88
XLIV.	Парашъ	-	-	-	-	-	90
XLV.	Пиррѣ	-	-	-	-	-	92
XLVI.	Богатство	-	-	-	-	-	94
XLVII.	Портретъ Варюши	-	-	-	-	-	95
XLVIII.	Горы	-	-	-	-	-	96
XLIX.	Горки	-	-	-	-	-	97
L.	Виша	-	-	-	-	-	98
LI.	Мельникъ	-	-	-	-	-	99
LII.	Пшицеловъ	-	-	-	-	-	100
LIII.	Спрѣлокъ	-	-	-	-	-	102
LIV.	Пѣночка	-	-	-	-	-	103
LV.	Рускія дѣвушки	-	-	-	-	-	104
LVI.	Пѣснь Баярда	-	-	-	-	-	106
LVII.	Варюшка	-	-	-	-	-	108
LVIII.	Арфа	-	-	-	-	-	110
LIX.	На разлуку	-	-	-	-	-	112
LX.	Цыганская пляска	-	-	-	-	-	113
LXI.	Цѣпи	-	-	-	-	-	115
LXII.	Призываніе и явленіе Плѣниры	-	-	-	-	-	116
LXIII.	Сафо	-	-	-	-	-	118
LXIV.	Сафѣ	-	-	-	-	-	119
LXV.	Тончію	-	-	-	-	-	121
LXVI.	Пикники	-	-	-	-	-	123
LXVII.	Разныя вина	-	-	-	-	-	125
LXVIII.	Философы пьяный и пррезвый	-	-	-	-	-	127
LXIX.	Заздравный орель	-	-	-	-	-	131
LXX.	Голубка	-	-	-	-	-	133

		спран:
LXXI.	Лизѣ, похвала розѣ	- 135
LXXII.	Анакреоново удовольствіе	- 138
LXXIII.	Хмель	- 139
LXXIV.	Мореходецъ	- 140
LXXV.	Махіавель	- 141
LXXVI.	Графинѣ Орловой	- 142
LXXVII.	Деревенская жизнь	- 143
LXXVIII.	Охотникъ	- 145
LXXIX.	Объявленіе любви	- 146
LXXX.	Пламидѣ	- 147
LXXXI.	Всемирѣ	- 148
LXXXII.	Нинѣ	- 150
LXXXIII.	Кружка	- 151
LXXXIV.	Гимнѣ Сафы Венерѣ	- 154
LXXXV.	Тишина	- 157
LXXXVI.	Вниманіе	- 159
LXXXVII.	Гипара	- 161
LXXXVIII.	Шуточное желаніе	- 163
LXXXIX.	Бабочка	- 164
XC.	Кузнечикъ	- 165
XCI.	Любушкѣ	- 167
XCII.	Спарикъ	- 169
XCIII.	Плѣнникъ	- 170
XCIV.	Фалконетовъ Купидонъ	- 171
XCV.	Свобода	- 173
XCVI.	На пастушій балетъ	- 175
XCVII.	Мщеніе	- 176
XCVIII.	Чечотка	- 177
XCIX.	Разпускающаяся роза	- 178
C.	Цѣпочка	- 180
CI.	Вѣрь	- 181
CII.	Къ мамери, которая сама воспитываешь дѣтей своихъ	- 182
CIII.	Къ добродѣтельной красавицѣ	- 183
CIV.	Соломонъ и Суламитя	- 184
CV.	Сафы впорый переводъ	- 191
CVI.	Пени	- 192
CVII.	Невѣстѣ	- 196
CVIII.	Препяиствіе къ свиданію съ другой	- 198

					Спран:
CIX.	Дѣшамъ, на комедію ихъ и маскерадъ				200
CX.	На балетъ Зефиръ и Флора	-	-		201
CXI.	Мои Граціи	-	-	-	204
CXII.	Блаженство супруги	-	-	-	205
CXIII.	Лучъ	-	-	-	206
CXIV.	Признаніе	-	-	-	208
CXV.	Плачь Царицы	-	-	-	210
CXVI.	Обишель Добрады	-	-	-	213
CXVII.	Поминки	-	-	-	226
CXVIII.	Альбаумъ	-	-	-	228
CXIX.	Посылка плодовъ	-	-	-	230
CXX.	Прогулка	-	-	-	231
CXXI.	Задумчивость	-	-	-	232
CXXII.	Водомель	-	-	-	233
CXXIII.	Вѣнецъ безсмертія	-	-	-	235

I.

ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ.

Вамъ, Красавицы младыя,
И супругъ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золопыя
Подношу я въ книжкѣ сей.
Нрависься ужъ я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,
Дурень, спарь и не умиленъ:
Бью спихами вамъ челомъ.
Бью челомъ;—и по морозамъ
Коль вы ѣздише въ саняхъ,

Лѣшомъ ходише по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелесныхъ вашихъ ногъ;
Чувствы пѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный Богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень,
Въ душу силу влилъ огня;
Сыплютъ искры, снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

II.

НА РОЖДЕНИЕ ВЪ СЪВЕРЪ ПОРФИРОРОДНАГО
ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами,
И съ сѣдою бородой,
Попрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты
И мешели воздымалъ,
Налагая цѣпи льдисы,
Быспры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова сшарика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли пшичекъ хоры,
Пчелы пряпались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей,
Согрѣвашъ Сапиры руки
Собирались вокругъ огней.
Въ это время, споль холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Ошроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рождень.

Родился,—и въ шу минушу
 Переспаль ревѣль Борей;
 Онъдохнулъ, и зиму люшу
 Удалилъ Зефиръ съ полей;
 Онъвоззрѣль,—и солнце красно
 Обращилося къ веснѣ;
 Онъвскричалъ,—и лиръ согласно
 Звукъ разнесся въ сей спранѣ;
 Онъпросперъ лишь дѣшски руки,
 Ужъ порфиру въ руки бралъ;
 Раздались громовы звуки,
 И весь Сѣверъ возсіялъ.
 Яувидѣль въ восхищеньи
 Разтворень Судебъ черпогъ;
 Яподумаль въ изумленьи,
 Знашь родился нѣкій Богъ.
 Геніи къ нему слешѣли
 Въ свѣпломъ облакѣ съ небесъ;—
 Каждый Геній къ колыбели
 Даръ рожденному принесъ:
 Топъпринесъ ему громъ въ руки
 Для предбудущихъ побѣдъ;
 Топъхудожесхва, науки,
 Украшающія свѣшъ;
 Топъобиліе, богатство,
 Топъсіяніе порфиръ;
 Топъушѣхи и пріятство,
 Топъспокойствіе и миръ;
 Топъпринесъ ему шѣлесну,
 Топъдушевну красону;

Прозорливостьъ пошъ небесну,
 Разумъ, духа высопу.
 Словомъ: всѣ ему блаженствы
 И таланты подаря,
 Всѣ вліяли совершенствы,
 Составляючи Царя;
 Но послѣдній, добродѣтель,
 Зараждаючи въ немъ, рекъ:
 Будь спрасшей своихъ владѣтель,
 Будь на пронѣ челоуѣкъ!
 Всѣ крылами восплескали,
 Каждый Геній восклицалъ:
 Се божественный, вѣщали,
 Даръ младенцу онъ избралъ!
 Даръ всему полезный міру!
 Даръ доброшамъ всѣмъ вѣнецъ!
 Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
 Будетъ подданнымъ отецъ!
 Будетъ,—и Судьбы гласили,—
 Онъ Монархамъ образецъ!
 Лѣсъ и горы повшорили:
 Упѣшеніемъ сердецъ!
 Симъ Россія восхищенна
 Токи слезны пролила,
 На колѣни преклоненна
 Въ руки опрока взяла;
 Возпріавъ его, лобзаешъ
 Въ перси, очи, и уста;
 Въ немъ геройство возраспаешъ,
 Возраспаешъ красота.

Всѣ его ужъ любящъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжогъ:
Возрасшай, дитя прекрасно!
Возрасшай, нашъ полубогъ!
Возрасшай, уподобляясь
Ты родишелямъ во всемъ;
Съ ихъ пы маперью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ.

III.

АМУРЬ И ПСИШЕЯ.

Амуру вздумалось Псишею,
Рѣзвися, поймашь,
Опушаешься цвѣтами съ нею
И узель завязашь.

Прекрасна плѣнница красиѣетъ
И рвется отъ него:
А онъ, какъ будтобы робѣетъ
Отъ случая сего.

Она зовешъ своихъ подружекъ,
Чѣмъ узель развязашь:
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чѣмъ помочь имъ подашь.

Пріятность, младость къ нимъ спремятся
И имъ служишь хопяшь;
Но узники не суепяща,
Какъ вкопаны спояща.

Ни крылышкомъ Амуръ не пронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Псишея не бѣжитъ, не спонетъ,
Свились какъ лисъ съ правой.

Такъ будь чепа вѣкъ нераздѣльна,
Согласіємъ дыша:
Та цѣпъ шверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

IV.

КЪ ГРАЦІЯМЪ.

Что вы, Граціи, такое?
Красота ль вы, или младость?
Вы души, иль шѣла, нѣжность?
Вы любви ли милы дщери?
Иль магнѣшь, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ,
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы тѣнистыхъ,
И лѣса дають прохладу,
Освѣжаешь воздухъ чувствы.

Ахъ! не вы ли на помостѣ,
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ Россіи Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланипахъ
Усмѣхаются лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки,—
Вкругъ ихъ звѣзды, солнца, въ персяхъ?

Ахъ! не вы ль, небесны Нимфы,
Воплощенными намъ зришесь,
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца воспорги?

Эпо пы, Петрово племя!
Вы, Екатерины внуки,
Павла и Маріи дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сесстры:—
Эпо, вы, Княжны младыя!

Эпо вы, на коихъ нѣжно
Въ шлемъ бранномъ зришь Россія,
Подъ профеями, какъ пальма,
На цвѣшъ склонясь, улыбкой
Мещетъ шѣнь Екатерина.

V.

Х А Р И Т Ы.

По слѣдамъ Анакреона
Я хопѣлъ воспѣшь Харипъ,
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предспаль и говоришь:
Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?—
Сполько прелесней безсмертныхъ
Хочешь смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпъ у Боговъ?
Обнималъ ли бrenнымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харипъ предъ ними,
Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
Плясками они своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ пропѣжнымъ пихимъ пономъ
Важно павами плывушь;
Какъ съ веселымъ быспрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьюшь;

Какъ вокругъ они спокойно
Величавый мещущъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣхъ движенъи спройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хипоны ихъ эфирны,
Льну подобные власы,
Очи свѣплыя, сафирны,
Помрачающъ всѣхъ красы?
Какъ Богини всѣмъ соборомъ
Признающъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбаешся имъ въ слѣдъ?
Словомъ: видѣлъ ли карпины,
Непоспижныя уму?—
Видѣлъ внукъ Екатерины,
Я опвѣспивовалъ ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся,
Давъ мнѣ лиру, оплешѣлъ.—
Я спрунамъ ея коснулся
И молодыхъ Харипъ воспѣлъ.

VI.

ПОВѢДА КРАСОТЫ.

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвящилъ:
Пришекъ къ Аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.

Она копыя непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Прошиву льва неукропима
Съ Олимпа Геву призвала.

Пошла,—и подѣ оливой спала,
Блissная легкою броней,
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ шѣни вѣпьевей.

Левъ шель,—и подѣ его спопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ;
Но вспрѣпсаясь вдругъ со красопою,
Какъ солнцемъ пораженный, спалъ.

Вздыхаль, и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызаль,
И чувствы кропкія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являль.

Спыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смопря,
Кудрявой гривой забавлялась,
Сего звѣринаго Царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся спрасть,
Цвѣпочной цѣпью привязала,
И опдала любви во власпѣ.

Не разъ попомъ уже случалось,
Чшо умъ смиряль и яроспѣ львовъ,
Красою мужеспво сражалось
И побѣждала все любовь.

VII.

К Ъ М У З Ъ.

Спрой, Муза, арфу золошю
 И юную весну воспой:
 Какъ нѣжною она рукой
 На небо, море, голубую—
 На доли и вершины горъ
 Зелену—ризѹ надѣваетъ,
 Вкругъ ароматы разливаетъ,
 Всѣмъ осклабляетъ взоръ.

Смотри: какъ цѣпью пшиць спаницы
 Лешяшъ подъ небомъ и прубяшъ,
 Какъ жаворонки вверхъ паряшъ;
 Какъ гусли пихи, иль цѣвницы,
 Звеняшъ ихъ гласы съ облаковъ;
 Какъ ключъ шумишъ, свирель взываетъ,
 И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
 Свиспъ громкій соловьевъ.

Смотри: въ пропадинахъ желшюшъ,
Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣшъ;
Какъ разпуспившись розъ кусты
Смѣются въ люлькахъ и алѣюшъ;
Сквозь мглу восходишъ знакъ челомъ,
Лѣса вѣшвями помагаюшъ,
По рдѣну водъ спеклу мелькаюшъ
Вверхъ рыбы серебромъ.

Смотри: какъ солнце золошое
Днесъ лучезариѣе горишъ;
Небесное лице глядишъ
На всѣхъ, веселое, младое;
И будто вся играетъ шварь,
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ
Короной міра Царь?

VIII.

ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА.

Тише, тише вѣпры вѣйше,
Благовоніемъ дыша;
Пурпуровымъ злапомъ рдѣйше
Воды, долы — и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣплымъ днѣмъ:
Вспань шы выше, выше, холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ
Опъ воспока Фебъ идепъ,
Внизъ съ рамень по багряницѣ
Въ кудряхъ золото печепъ;
А опъ лиры сладкоспрунной
Божій пихій гласъ перунной
Такъ рѣками въ доль падепъ,
Какъ съ небесъ лазурныхъ свѣпъ.

Упренней зари прекрасной,
Дней веселыхъ, свѣпый Царь!
Ты, копорый дланью власпной
Сыплешь свѣпъ и жизнь на шварь,
Правя легкими вожжами,
Искромешными конями
Обпекаешь мѣръ кругомъ:
Спань предъ насъ своимъ лицомъ!

Возсіай въ швоей коронѣ,
Давъ лунѣ и лику звѣздъ,
На швоемъ опдѣльномъ шронѣ,
Твой лучиспый, милый свѣпъ!
Спань скорѣй предъ жадны взоры,
Да поюпъ и наши хоры
Радоспныхъ опца сыновъ
Славу, щаспье и любовь!

IX.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ.

Возвращается Весна,
И Хариты вокруг блистають,
Взоры смертных привлекають.
Гдѣ спойшь, грядешь она,
Воздухъ дышешь ароматомъ,
Усмѣхаешься заря,
Чешуяшся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркала смотря,
На вѣшняхъ своихъ качають
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвяшся, порхають,
Зелень всюду и цвѣтки
Спелють по землѣ коврами;
Рыбы мечущся изъ водъ;
Журавли, вѣясь кругами
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валпорны возглашають;
Соловей гремишь въ кустахъ,
Звѣри прыгають, брыкають,
Гласъ ихъ впоринся въ лѣсахъ.

*

Горстью пахарь дождь на нивы
Съестъ вокругъ себя злобой,
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой;
Вся природа торжесшвуешь,
Празднуешь Весны приходъ,
Все играешь, все ликуешь:
Нимфы!—спаньте въ хороводъ,
И въ бѣлѣйши снѣга ткани
Облеченны, изо льну,
Проспирайте нѣжны длани,
Принимайте вы Весну;
А въ цвѣтахъ ея щедроты,
А въ зефирахъ огонь сердцамъ.
Съ нею къ вамъ лешають Эроты:
Безъ любви не лзя жить вамъ.

X.

П Р А З Д Н И К Ъ

Воспитанницъ дѣвичьяго монастыря.

Естьлибъ умъ какой чудесный
 Споль возвыситься возмогъ,
 Чшобъ проникнувъ сводъ небесный,
 Въ горній возлещь чершогъ;
 И средь шучь шамъ бирюзовыхъ,
 Будто множество зарницъ,
 Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
 Мириады свѣплыхъ лицъ,
 Въ ризахъ блещущихъ, эфирныхъ,
 Видѣль Ангеловъ небесъ;
 Съ ихъ агапныхъ, иль сафирныхъ,
 Черпаль бы воспоргъ очесъ;
 Красоты ихъ лучъ небесной
 Изумляль бы слабый взоръ,
 Ихъ гармоніи прелестной
 Тихій умиленный хоръ,
 Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье,
 Нѣжно прогали бы слухъ;
 Райскихъ древъ благоуханье
 Сладко упояло духъ;
 Видѣль бы, что очи плѣнны
 Не возмогутъ созерцапъ,
 И внималь, что уши бранны
 Неудобны въ слухъ внимапъ;

Слышалъ, Серафимовъ хоры
 Какъ Царя Царей поюшъ,
 Какъ вперенные ихъ взоры
 Свѣшъ съ него и радость пьюшъ:—
 Тошъ возмогъ бы, по сравненью
 Сихъ божественныхъ чудесъ,
 Живо описатьъ, къ видѣнью
 Росскихъ мысленныхъ очесъ,
 Какъ полсвѣша Повелитель
 И его любезный домъ,
 Павелъ, посѣщаль обитель,
 Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
 Какъ онѣ его встрѣчали,
 Будто Бога, иль опца;
 Пѣньемъ души восхищали,
 А красою всѣхъ сердца.

Или есѣли бы рожденье
 На водахъ кѣмъ зрѣлъ весны
 И ея въ лучахъ явленье
 Изъ кристальныхъ волны;
 Съ холма кинувъ быспро око
 На прекрасный Волги берегъ,
 Гдѣ разлившия широко
 И склоняя свѣплый бѣгъ
 На Каспійско море спкляно,
 Злачныхъ горъ она въ пѣни,
 Море гладко, златордяно,
 Предспавляешъ въ ясны дни;

Тамъ бы на песчаныхъ спогнахъ
 Зрѣлъ пернапыхъ онъ спада,
 Чшо, собравшись въ миліонахъ,
 Какъ снѣговъ лежишь гряда;
 Кропкія межъ нихъ колпицы
 Въ спаѣ гордыхъ лебедей,
 Сребророзовыя ппицы,
 Лоснящя поверхъ зыбей,
 И шурмуютъ и играютъ
 И препенущя средъ волнъ,
 Съ перьевъ бисеръ опряхають,
 Разноцвѣтнй влажный огонь;
 Зрѣлъ бы какъ, сплещя крылами,
 Ходящъ по мѣлямъ спѣной,
 Вдалъ разплывшися кругами,
 Кличущя промежъ собой;
 Громкій голосъ ихъ несется
 По водамъ и по полямъ,
 Гулъ опъ холмовъ раздаешя,
 Изъ-за рощей пихій гамъ:—
 Топъ возмогъ бы драгоцѣнну
 Ту каршину начерпашъ,
 Какъ Марію несравненну,
 Нѣжнующу Россіи мапъ,
 Юны дѣвы принимали
 Во свяпилищѣ своемъ,
 Благотѣно предспояли
 Предъ Величествѣ лицемъ.
 Въ шемной зеленую алеѣ,
 Древъ подровненныхъ въ шѣни,

Снѣга самага бѣлѣе,
 Легче воздуха въ шкани,
 Передъ ней онѣ играли
 На помостѣ золопомъ,
 Пѣли, прыгали, плясали
 И рядами и кругомъ;
 Въ даръ священный приносили
 Рукъ издѣліе своихъ;
 Не сокровищи дарили,
 Но сердцецъ преданносць ихъ;
 Лишь того искали взоромъ
 И желали всей душой,
 Чтобъ почпила разговоромъ,
 Иль улыбкой ихъ своей.
 А въ сей спаѣ бѣлоснѣжной,
 Будто среди птицъ Весна,
 Къ дѣшамъ взоръ бросая нѣжной,
 Зрѣлась божесствомъ Она.

Иль когда бы къ баснословнымъ
 Кто восхипясь временамъ,
 Къ славнымъ, свѣплымъ, благовоннымъ
 На Олимпъ возшелъ пирамъ;
 И увидѣлъ бы на ономъ
 Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
 Подъ янпарнымъ небосклономъ
 Въ хладную пещеру входъ,
 И молодыхъ въ ней Нимфъ прекрасныхъ,
 Славнымъ пиромъ, на сполахъ,

На узорчатыхъ, апласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скаперпяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣщителей Боговъ;
Какъ хитоны ихъ опрятно,
Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ онъ приспойно
Леншамъ зарей цвѣпныхъ,
Сановито и спокойно
Ходяшъ вкругъ госпей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поступью, свободной
Къ госпю каждая пришла;
Принесли имъ: шѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣпныхъ шѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ сребренныхъ, злапыхъ,
Сочножелпые, багрпны,
Вкусноспѣлые плоды,
Въ хруспаляхъ напишки хладны,
Сладки, искромешны льды;
Какъ шамъ Боги и Богини
Ослабляся глядяшъ,
Со герои, съ героини
Яспвы сахарны ядяшъ;
Какъ амброзія небесна
Въ алыхъ шаешъ ихъ устахъ,
Разсыпаешся чудесна
Пища райская въ рукахъ;

Льется въ медѣ благовонномъ
 Вспламеняющій нектаръ;
 Въ сокѣ розовомъ, перловомъ
 Мразъ, гасящій зноя жаръ:—
 Тотъ бы вняпно могъ и живо
 Описать сей праздникъ намъ,
 Торжество то справедливо
 И пріятное очамъ:
 Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
 На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
 Плющемъ обвишыхъ зеленымъ
 Рукъ художествомъ, журчащъ,
 Къ большей прелести природы,
 На прекрасный Невскій берегъ
 Льющіесь съ эѳира воды,
 Для прохлады и для ушѣхъ;
 Гдѣ усердіе являли,
 И въ привѣспіе госпямъ
 Дѣвы славный полдникъ дали
 И Царицамъ и Царямъ;
 Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
 Какъ небесный нѣкій садъ,
 Зришелей водили взоры
 Межъ ушѣхъ и межъ прохлады.

Иль когда уже Зефиры
 Начинають влажно душъ,
 Боги въ мягкіе сафиры
 Идутъ съ пиршествъ отдохнушь;

Какъ златыя Феба стрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользаятъ;
Вечеръ пошемняешъ селы,
Окны пламенемъ горятъ.
Естьлибъ смершнй дерзновенный
Кто опважисья споль смѣль,
Чпобъ таинспвенны, священны
Игры древнйа хопѣль
Зрѣтъ украдкой среди ноши,
И по спупаннымъ пропамъ
Проходя кедровой роши,
Вдругъ увидѣль Весты храмъ;
Зрѣль вокругъ его, Веспалей
Какъ прохаживаетъ спрой;
Огнь виситъ внупри криспалей,
Во преножникъ спруей
Послѣ жертвы дымъ курится,
Предъ священнымъ олшаремъ
Каждая дѣвица зрится
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блещущи красою,
Важности свяшой полна,
Подъ прозрачною фашою
Будпо сквозъ шуманъ луна;
Купно всѣ съ благоговѣннемъ
Жертвенникъ обходятъ вкругъ,
И съ шимпановъ удареньемъ
На колѣни падши вдругъ
Передъ образомъ Богини,
Славословіе поютъ;

За дары, за благоспыни,
 Въ жерпву ей цвѣты кладушъ;
 И гласяшъ:—,, О земнороднымъ
 ,,Божеспвамъ прекрасна Мать!
 ,,Естьли взоромъ благосклоннымъ
 ,,Соизволишь призирашъ
 ,,Дѣвъ побою возкормленныхъ,
 ,,И прошеню внемлешь ихъ:
 ,,То внуши моливъ усердныхъ
 ,,Гласъ, воспишанницъ Твоихъ;
 ,,И даруй, да подъ покровомъ
 ,,Матерней руки Твоей
 ,,Благонравья въ блескъ новомъ,
 ,,Непорочности спезей,
 ,,Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
 ,,И достойными Тебя
 ,,Будемъ жизнию свяшою,
 ,,Добродѣшель въ вѣкъ любя.,,—
 Зрѣль попомъ бы ихъ въ гуляньи
 Средь цвѣпущихъ красныхъ мѣспъ,
 Въ разноцвѣпномъ гдѣ сїяньи
 Лѣсь блиспаль лучами звѣздъ;
 Какъ съ невинностью, пишая
 Хладъ безспраспїя въ крови,
 Забавлялися, не зная
 Сладоспныхъ заразъ любви;
 Какъ сокрывшись въ лиспья, въ грошы,
 И облекшись въ темну ночь,
 Мѣпяшъ щещпно въ нихъ Эрошы,
 И лещяшъ съ досадою прочъ.

Видѣлъ бы, и тайный зришель
Древнихъ праздниковъ свяшихъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ сравнишель
Руской Веспы двѣ молодыхъ;
Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
День рожденья ихъ Царицы
Проводили торжествомъ.
Вся Россія воспавала
Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;
Слезы радости роняла,
Такъ привѣщивовала ихъ:
„Я покоюсь послѣ боевъ,
„Процвѣшайте въ тишинѣ;
„Будьте мапери Героевъ,
„И подпорой пвердой мнѣ.,,

XI.

Р А З В А Л И Н Ы.

Вошъ здѣсь, на островъ Киприды,
Великолѣпный храмъ споялъ:
Сполпы, подзоры, пирамиды
И куполь золопомъ сіялъ.
Вошъ здѣсь дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была,
Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь свяпилища вела.
Вошъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой олшари,
Сбирались на молишву міры
И били ей челомъ Цари.
Вошъ пущъ была уединенной
По ушру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣшь вселенной,
И какъ сердца плѣнишь людей.
Тущъ поспавлялася прапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ, и сонмъ жрецовъ;
Богапспиво разливалось Креза,
Сребро и злапо средь споловъ.

Тутъ арфы звучныя гремѣли
И повторяль ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо шутъ Сирены пѣли
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали.
Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Курильницы благоухали,
Зной лѣпнѣй провѣвалъ Зефиръ:
А шутъ крылатые служили
Полки прекрасныхъ мешкихъ слугъ,
И опъ Богининой носили
Руки амброзію вокругъ.
Она, шутъ сидя, обращалась
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Восставши тихо покланялась,
Блissing щедростью лица.
Здѣсь въ полдень уходила въ гробы,
Покоилась прохлада въ тѣни:
А шутъ Амуры и Эропы
Уединялись съ ней, одни;
Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ,
Здѣсь шекъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьѣвъ;

Здѣсь былъ театръ, а шумъ качели,
 Тумъ Азіатскихъ домикъ нѣгъ;
 Тумъ на Парнассѣ Музы пѣли,
 Тумъ звѣри жили для утѣхъ.
 Здѣсь въ разны игры забавлялась,
 А шумъ прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ
 Подъ вечеръ красный собиралась
 Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
 Ходила по лугамъ, долинамъ,
 По мягкой муравѣ близъ водъ,
 По желтымъ среди розъ пропинамъ:
 А шумъ, зашѣя хороводъ,
 Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ,
 Играшь, плясашъ между собой
 По слышимымъ пріятнымъ шонамъ
 Вдали музыки роговой.
 Они, кружась, рѣзвась, лепали,
 Шумѣли, говорили вздоръ;
 Въ зеркалѣ водъ себя казали,
 Всѣмъ пѣшили Богининъ взоръ.
 А шумъ, оставя хороводы,
 Верхомъ скакали на конькахъ;
 Иль въ лодкахъ разсѣкая воды,
 Въ жемчужныхъ плавали спруяхъ.

Киприда шупъ средъ миршъ сидѣла,
 Смѣялась, глядя на дѣшей,
 На восклицающихъ смопрѣла
 Поднявшихъ крылья лебедей;
 Иль на спанищу сребробокихъ
 Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ;
 Или на песпрыхъ, красноокихъ
 Ходящихъ рыбъ среди прудовъ;
 Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
 Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
 Другъ другомъ съ лаяньемъ гонимыхъ,
 Мелькающихъ между лѣскомъ.

А здѣсь, исполнясь важна вида,
 На памятникъ своихъ побѣдъ
 Она смопрѣла: на Алкида,
 Какъ гидру палицей онъ бьешъ;
 Какъ прочіе ея Герои,
 По манію ея очесъ,
 Въ ужасные вспупали бои
 И тѣмы подѣлали чудесъ;
 Приспупомъ грады шверды брали,
 Сжигали флоты средъ морей,
 Пресполы, царспвы покоряли,
 И въ плѣнь водили къ ней Царей.

Здѣсь въ внушренни она чершогн
 По лѣспницѣ оплогой шла,
 Куда госпнть ходнли Боги,
 И гдѣ она всегда спрегла
 Топѣ поясѣ, въ небѣ ей нсканный,
 На коемѣ межѣ Харнть съ ней жнль
 Топѣ хнпрый Геній, нзваянный,
 Кошорый щаспье ей дарнль,
 Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхн,
 Трофеи мнра и воны,
 Здоровье, радоспн и смѣхн
 И легкнє прнпшны сны.
 Въ семѣ перемѣ, Олнмпу равномѣ,
 Изъ яшмѣ прозрачныхъ, перловъ гнѣздѣ,
 Художеспвомѣ разлнчнымѣ славномѣ,
 Горѣли ночью пучн звѣздѣ,
 Красу Богннн умножали;
 И пакѣ средѣ снхъ блаженныхъ мѣспѣ
 Ее какѣ солнце предспавлялн.—

Но здѣсь ея ужѣ нынѣ нѣшѣ,
 Померкѣ красопѣ волшебныхъ свѣшѣ,
 Все пьмой покрьлось, запуспѣло;
 Все въ прахѣ упало, померпвѣло;
 Опѣ ужаса вся спынеспѣ кровь:
 Лншь плачеспѣ снрая любовь.

XII.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ.

Опоясанна цвѣтами
Сходишь къ намъ съ небесъ Весна,
И молодыми красопами
Улыбаешся она.
Улыбнулась,—и явились
Розы и лилеи въ свѣтъ,
Благовоныи оживились
Возблиспаль на лиспяхъ медъ;
И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь,
Радость, щастье водворилось:
Намъ родилася Любовь!

XIII.

НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВЫ.

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эропъ долину пролеталъ,
Незапно во спрану Рифейску
Впорхнуль, гдѣ Сѣверъ обиталъ;
Увидѣль иней, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя вседневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ опъ побѣдъ вкругъ звуки:
Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
Тамъ на мяшежъ яремъ кладутъ.
Узрѣль,—и съ ужаса и хладу
Крылами въ препепѣ взмахнуль,
Хопѣль лепѣшь назадъ въ Элладу;
Но какъ - то факель свой спряхнуль, —
И въ пѣмѣ вдругъ искры покапились,
Разцвѣль весной полнотный край,
Орлы двухъ Царствъ соединились,
Средь Гапчина открылся рай!

Плѣняетъ нѣжный громъ музыки,
 Пылають тысячи лампадъ,
 Харишь молодыхъ прелестны лики
 Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
 Тѣ пляшутъ, скачутъ; шѣ играютъ,
 Тѣ скромныхъ взглядами очей
 Сердца Героевъ поражаютъ,
 И въ плѣнь влекутъ богатырей. —
 Эрошь, красами удивленный,
 „Не царство ль, рекъ, я зрю мое?
 „Но кто на тронѣ, (дерзновенный!)
 „Опнявъ у Марса мечъ, копье,
 „Да и мои всеильны спрѣлы,
 „Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ?
 „Маріи, Павла здѣсь предѣлы,
 Ему весь сѣверъ опвѣчалъ.

Х о р ь.

Кто храбростью и красою
 Умѣетъ купно обладать,
 Тотъ можетъ миромъ и войною
 И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать.

Вздохнулъ Эрощъ:—шакъ пусть ужъ Боги
 Не ждуть меня въ Темпейскій доль;
 Мнѣ свящы Павловы черпоги,
 Я въ нихъ пославиль мой пресполъ.

Х о р ь.

Ликуйше Павелъ и Марія,
 Любовь въ черпогахъ зря своихъ!
 Хошь Ваши дщери днесъ младыя
 Надѣли цѣпь Царей чужихъ:
 Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
 Вашъ разумъ, сердца доброшу;
 Гдѣ храбросью плѣнять не должно,
 Туда вы шлете красошу.

Такъ, Александра! не войною,
 Но красой плѣнишы свѣшъ.
 И шы, Елена! не виною
 Будь Царскихъ распръ, народныхъ бѣдъ;
 Но днесъ любви сопрягшись Богомъ,
 Юсифъ, Павелъ, Фридерихъ!
 Европъ будьте Вы залогомъ
 Покоя, щасстья дней злыхъ.

XIV.

ЯВЛЕНІЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ
НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ.

По гранишному я берегу
Невскому гулять ходилъ,
Сладкую весенню нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ: какъ народъ пѣснился
Вкругъ одной молодой чешы,
Лучъ съ нея блистая лился,
Какъ опъ солнца красоты.
Кто, я думалъ въ изумленьѣ,
Чудна двоица сія?
Не Боговъ ли вновь схождение
Вижу въ ней на землю я?
Вижу почто Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Знашь, сошедши съ Геликона,
Тѣшались они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смершнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепешаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ томъ.

Такъ,—и въ лицахъ лучезарныхъ
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣшодарныхъ
Вижу я Боговъ въ людяхъ!
Зрѣль, съ собой они какъ водяшъ
Просвѣщенъе, крошосъ, вкусъ;
Какъ Харишъ въ слѣдъ ихъ ходяшъ,
И соборы нѣжныхъ Музъ
Съ Нимфами поющи пляшущъ;
Всплывъ Наяды сверхъ Невы,
Плещущъ воды; вѣпры машущъ
Ароматъ на ихъ главы.
Видѣль: Пепрополь дивился
Какъ прекрасной сей чешъ;
Съверъ свѣшомъ озарился,
Вспаль, и въ мглисшой шемношъ,
Обогрѣвъ браду замерзлу
Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь,
Знича чшилъ въ нихъ и Зимсперлу
Возвращенныхъ вкупъ вновъ,
И ликуя увѣнчался
Перевязкой изъ цвѣшовъ.
Лель за дѣвою погнался,
А за юношей Любовь.—

Видѣль, видѣль Аполлона,
Видѣль съ нимъ и Дафну я!
Радостнаго звукомъ тона
Лира опдалась моя.

ВѢНЧАНІЕ ЛЕЛЯ.

Колоколь ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебаль,
И Иванъ великій громомъ
Въ полнощъ, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріятнымъ сномъ обьяпый
Макова въ шѣни вѣнца,
Видѣль: шеремы, палапы,
Площадь Краснаго крыльца
Роемъ мальчиковъ лепучимъ
Облелеяна кругомъ!
Лѣсомъ—шлемы ихъ дремучимъ,
Лапы—злапомъ и серебромъ,
Копья—спалію блиспали
И чужь видѣлись сквозь мглы;
Спаями сверхъ ихъ лепали
Молненосные Орлы.
Но лишь солнце появилось
И зашепились кресшы,
Море зыблюще опкрылось
Разныхъ лицъ и песпрошы!—

Шумъ, съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми чувствы овладѣлъ,
Своды храма предо мною
Я опверстыми узрѣлъ.
Тамъ въ волнахъ толпы спѣсенной
Въ думѣ весь Сингклипъ споялъ,
Я въ душѣ моей смященной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на пронѣ памъ обширномъ,
Во священной темнотѣ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмопрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ:
Коль безчисленны красы!
Сколько нѣжностей прелесныхъ!
Злапоспругапы власы;
Блескъ сафира, розы ранни
Ихъ успень, ланипъ, очесъ,
Улыбаясь брали дани
Съ восхищенныхъ пымы сердець.
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимою Царей,
Ей чешъ своей касаясь
Удвоился блескомъ въ ней.

Тушъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ,
 По сверкающимъ лучамъ,
 Тѣни Самодержцевъ древнихъ,
 Низпустившися во храмъ,
 Прежни лица ихъ пріяли
 И сквозь ликовъ поржества
 Въ изумленьи вопрошали:
 Кто такія божества,
 Что облекшись въ младость смертныхъ,
 Съ кропосію скиптръ берущъ,
 На обширность спранъ несмѣнныхъ
 Цѣпь цвѣточную кладущъ,
 И весь сѣверъ въ мигъ плѣнили
 Именемъ однимъ Царя?
 Громы духъ мой пробудили:
 Разглашалось ура!—

Что такое сонъ сей значишь?
 Я съ собою размышлялъ:
 Духъ ликуешь, сердце скачешь,
 Опъ чего? Я самъ не зналъ.
 Кто на царство такъ вѣнчался?
 Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
 Кѣмъ я сполько восхищался,
 Сладостныя слезы лилъ?

Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣшомъ завладѣлъ:
Царь сердець, онѣ вѣщали,
Богъ любви, всесильный Лель.

XVI.

БЕСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ.

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моей душою,
Видѣль, Геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,
Росломъ спроенъ и высокъ,
Тихъ, привѣпливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму.—
И во снѣ его былъ вняшенъ
Голосъ сердцу моему:
„Слушай, спарый пѣснопѣвецъ!
„Послужи еще мнѣ, рекъ:
„Я не грозный Громовержецъ,
„Крошкѣй Царь и челоуѣкъ:
„Прозвучи мою пы славу.,,—
Взяль я лиру, спрою вновь,—
И пою его державу
И къ опечеснву любовь.

XVII.

М Е Ч Т А.

Вошедъ въ шалашъ мой поропливо,
Я вижу, мальчикъ въ немъ сидишь;
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучишь.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тѣмъ горя,
И розы по лицу блиспали,
Какъ упрення заря.

Одна шупъ искра отдѣлилась
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла ядохнуть.

Сстояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла спунишь;
Уйши хопѣла, не умѣла,—
Не по ль зовушь *любить?*

Люблю!—кого?—сама не знаю.
Изчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ спрадаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуешь сердце! Дай мнѣ руку,
Почувствуй пламень сей мечпы,
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезень, милъ мнѣ ты.

XVIII.

КЪ АНЖЕЛИКЪ КАУФМАНЪ.

Живописица преславна,
Кауфманъ! подруга Музъ!
Есѣли въ кисть твою вліяна
Свыше живость, чувство, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ Богинь и красныхъ женъ,
Пережишь въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ плѣнь:
Напиши мою Милену
Бѣлокурую лицомъ,
Спройму спаномъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безоправно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,

Я нашель бы въ ней обратно,
И плѣнясь ея красой,
Оживился бы спокрашно
Молодой моей душой.

XIX.

АНАКРЕОНЪ ВЪ СОВРАНИИ.

Нѣжный, нѣжный воздыхашель,
О пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Сполько Нимфъ и сполько милыхъ,
Безъ вина бы и безъ хмелю
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
И въ мечпѣ, иль въ восхищеньи,
Ты бы видѣлъ, будпо въ явѣ:
На спаницѣ ппичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И шуда сюда лепаетъ:
И сядишся онъ по Нимфамъ,
То на шу, то на другую,
Какъ сядишся желшы пчелы,
На цвѣшы въ поляхъ младыя.
Онъ у шой блиспаль во взглядахъ

У иной блиспалъ въ улыбкѣ,
И пускалъ опшпуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовишы:
Но и меду были слаще,
Не пролешывали мимо,
Попадали прямо въ душу,
И душа бѣ швоя помилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щипъ небесной
Уполилъ швои бы вздохи.

XX.

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ.

Ходя въ рощицѣ пѣниспой,
Видѣлъ шамъ Эроша я.
На полянкѣ розъ душистой
Спаль прекрасное дитя.
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его,
Будто яблоки наливны
Рдѣлись щеки у него.
Почивая безоружнымъ
Снѣжной грудью онъ блеспѣлъ,
По вѣшьямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, пуль висѣлъ.
Пчелы вкругъ его лепали,
Какъ на розъ шумящій кустъ,
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ сладкихъ усъ.
Въ рощу Граціи вбѣжали,
И нашедъ Эроша въ ней,
Попихоньку привязали
Къ красотѣ его своей.

Разбужъ его, плясали
Средь цвѣпочныхъ съ нимъ оковъ:
Неразлучны съ шѣхъ поръ спали.—
Гдѣ пріяшность, шупъ любовь.

XXI.

К Ъ Л И Р Ъ.

Пѣшь Румянцова сбирался,
Пѣшь Суворова хопѣль;
Громъ опъ лиры раздавался
И со спрунъ огонь лепѣль:
Но зависпливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ;
А Рымникскій скрылся пьмою,
Какъ неславный человѣкъ.
Чпо жъ? Пріапна ли имъ будешъ,
Лира!—днесъ швоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудешъ
Ихъ безсмершныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ спроевъ,
Переладимъ спруны вновъ;
Пѣшь опкажемся Героевъ,
А начнемъ мы пѣшь любовь.

XXIII.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Что мнѣ, что мнѣ суешишься,
Вьючишь бремя должностей,
Есѣли мѣръ за то бранишься,
Что иду прямой спезей?
Пусть другіе работають,
Много мудрыхъ естѣ господѣ:
И себя не забываютъ,
И Царямъ сулятъ доходъ.
Но я шѣмъ коль бесполезенъ,
Что горячъ, и въ правдѣ чоршъ:
Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можешъ пылкой бытъ Эрошъ.
Спану нынѣ съ нимъ водишься,
Сладко ѣстѣ и пѣшъ и спашъ;
Лучше, лучше мнѣ лѣнишься,
Чѣмъ злодѣевъ наживашъ.
Полно бытъ въ дѣлахъ горячимъ,
Буду лишъ у правды госшъ;
Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
Разшворю пошире горшъ.

Утромъ раза три въ недѣлю
Съ милой Музой порѣзвлюсь;
Тамъ опять пойду въ постелю
И съ женою обоймусь.

ПОТОПЛЕНИЕ.

Изъ за облакъ мѣсяць красный
Вспалъ и смогрился въ рѣкъ,
Сквозь шуманъ и мракъ ужасный
Пушникъ ѣдетъ въ челнокъ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ,
Онъ гребетъ сквозь волнь и шьму;
Мысль веселье воображаетъ,
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился,
Пушникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоропечной!
Сколь надежда намъ ни льсти;
Всѣ пошлемъ въ безднѣ вѣчной,
Дружба и любовь, прости!

XXIV.

НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ.

Діана съ голубаго прона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходишь скромною спезей,
Въ хитонъ воздушный облеченна,
Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ:
Въ безмолвной тишинѣ вселенна,
На лунной блескъ ея глядишь.—
Иль виноградна вѣтвь молодая,
Когда подпоры лишена,
Поблещетъ, долу упадая;
Но вѣтвю оживлена,
Вкругъ стебля новаго средь лѣта,
Обвившись листьями, вспахнетъ,
Цвѣтнетъ и солнцемъ обогрѣта,
Румянцомъ взоры всѣхъ влечетъ:
Такъ ты, въ женахъ о милый Ангелъ!
Магнишь очей, заря безъ тучъ!
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ,
И кинулъ на тебя свой лучъ,

Подобно розѣ развернувшись,
Любви душою разцвѣла;
Ты красота, что улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала.

XXV.

К Ъ С О Ф І И.

О сколь, Софія, ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей!
Какъ чистая вода прозрачна,
Блิสлая розовой зарей.

XXVI.

КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ.

Я у Креза зрѣль Эроша:
Онъ заплакавшись сидѣль
Среди мраморнаго гроша,
Окруженный лѣсомъ спрѣль.

Пустъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна шепива,
Факель хладомъ околдованъ,
Чуть спруилась синева.

Чшо, сказалъ я, шакъ слезами
Льется сей крылашый Богъ?
Иль поликими спрѣлами
Въ сердце чье попалъ не могъ?

Иль его безсиленъ пламень?
Тщень шокъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! нашла коса на камень,
Знашь любишь не можешь Крезъ.

XXVII.

КЪ ЭВТЕРПЪ.

Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ спруны арфы ударяй,
Ты, поколь весна молодая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласпочкой порхаешь радость,
Кратко соловей поешь:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный
Марсъ своей пусь жершвы ждешъ;
Рано ль, поздоль, побѣжденный
Голіаѳъ предъ нимъ падешъ;
Вскинешъ пусклый и багровый
Съ скрежежомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочешъ, да опдасъ.

Пусть придворный суешился
 За форшуною своей,
 Естли бышь ему случишся
 И наперсникомъ у ней:
 Раноль, поздоль, онъ наскучишь
 Кубаришся кубаремъ;
 Насъ форпуна часто учишь
Горемъ бышь богатыремъ.

Время все перемѣняешь:
 Пшицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
 Лѣто знойно пробѣгаешь,
 Травъ зеленыхъ вянешъ лисъ;
 Идетъ осень злаповласа,
 Спѣлые несешь плоды:
 Красножелта ея ряса
 Превратишся скоро въ льды.

Марсъ успанешъ,—и любимецъ
 Щасья возьмешъ свой покой;
 У швоихъ ворошъ и крылецъ
 Царедворецъ и Герой
 Брякнушъ въ кольца золошья:
 Ты съ согласія опца
 Бросишь взоры голубья
 И зажжешъ у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоришь
 О любви пвоей къ себѣ,
 Сына нѣги онъ поборешь
 И понравится тебѣ;
 Качеспвы пвои любезны
 Всею душою полюбя,
 Опершись на щипъ желѣзный
 Онъ воздремлетъ близъ тебя.

Пой, Эвперпа молодая!
 Прелестью своею плѣни;
 Бога браней усыпляя,
 Громъ изъ рукъ его возьми.
 Лавромъ голова нагбенна
 Къ персямъ склонилъ пвоимъ,
 И должна тебѣ вселенна
 Будетъ вѣкомъ золопымъ.

XXVIII.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ.

Случись Анакреону
Марію посѣщать;
Межъ ними Купидону,
Какъ бабочкѣ, лешать.

Лепаль божокъ крылатый
Красавицы вокругъ,
И спрѣлы онъ пернашы
Накладываль на лукъ.

Спрѣляль съ ея небесныхъ
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ усахъ прелесныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія
Звончашую взяла,
И въ спруны золошыя
Свой голосъ издала:

Подъ алыми персшами
Порхаль рѣзвѣ Богъ,
Оспрѣйшими спрѣлами
Разиль сердца и жогъ.

Анакреонъ у печки
Вздохнулъ погда сидя,
„Какъ бабочка опъ свѣчки
„Сгорю—сказаль—и я.

XXIX.

П Ч Е Л А.

Пчолка злапая!
Чшо ты жужжишь?
Все вокруг лепая,
Прочь не лепишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Сошны ль душисны
Въ желпыхъ власахъ,
Розыль огнисны
Въ алыхъ успахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчолка злапая!
Чшо ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

XXX.

Г Е Р К У Л Е С Ъ.

Геркулесъ пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣспишь.
Я, сказалъ, побой пылаю.
(Онъ хошѣлъ съ ней пошупишь.)
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ,
Пламени въ лицѣ полна,
Вздумала съ Героемъ сильнымъ
Также пошупишь она.
Начала съ нимъ разговоры,
Рѣчь за рѣчь и онъ повель;
Какъ-то вспрѣпились ихъ взоры,
Нечувствительно, онъ сѣлъ;
И межъ шѣмъ, какъ занялися,
Такъ они шупя собой,
Гдѣ опкуда ни взялися
Мальчиковъ крылапыхъ спрой;
Вкругъ лешали, шурмовали,
Надъ главами ихъ паря,
И подкравшись тихо, крали
Все вокругъ богапыря:

Тошъ унесъ, кряхтя, дубину;
Тошъ сайдакъ, тошъ спрашный мечъ;
Сперебили кожу львину,
Тѣ съ его могущихъ плечъ.
Не могла не улыбнуться
Красоша, какъ шлемъ сняла:
Не успѣлъ онъ оглянуться —
Въ шлемѣ спрасъ гнѣздо свила.

XXXI.

Л Ю С И.

О пы, Люсинька любезна!

Не бѣги меня, мой свѣшъ;

Чшо млада ты и прелестна,

А я дурень, спаръ и сѣдъ.

Взглянь на розы и лилеи,

Лель изъ нихъ вѣнки плешешъ

Вкругъ твоей пріятень шеи

Розовый и бѣлый цвѣшъ.

XXXII.

Б О Й.

Предо мной хопѣль горою,
Хладной Сѣверь въ боѣ спашь,
Еспѣли мнѣ любовь свѣчою
Придепѣ душу зажигапѣ.
Въ мигѣ съ перомѣ сѣдымѣ, кудрявымѣ,
На меня надѣль шеломѣ,
Воружилѣ лицомѣ багрянымѣ
И съ морщинами челомѣ,
Даль копье мнѣ ледяное,
Препоясаль вкругѣ мечемѣ,
Сердце мнѣ вложилѣ шакое,
Чпо смопрѣль я сеншябремѣ.
На доспѣхи положася,
И чпо весь я ледяной,
Я красавицѣ не спрашася,
Зваль Любовь съ собою въ бой.
Тупѣ опкуда ни возмися,
Предо мною Лель предспаль,
Красной дѣвой нарядился,
Перевѣдайся, сказаль.

Выступилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щипъ,
Мечъ рукой, копье другою
Я поднявъ, хотѣлъ разить.
Почалъ Лель перить въ щипъ стрѣлы,
А dospѣхи жечь свѣчой;
Стрѣлы, падая, шипѣли,
Шлемъ блиспалъ на мнѣ зарѣй.
Я ужъ думалъ, бой свершился,
И что я-то былъ Герой;
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой:
Въ часпи мѣлкія кольчуга
Разлетѣлась,—я спалъ нагъ.
Ахъ! тщетна защита друга,
Если въ сердце впился врагъ.

КУПИДОНЪ.

Подъ медвѣдицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Какъ на міръ сей сонъ всемѣсной
Сыпалъ маковы цвѣты;
Какъ спокойно всѣ ужъ спали
Ошягченные прудомъ,
Слышу въ двери заспучали
Кто-то громко вдругъ кольцомъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь спучишся
И превозишь сладкой сонъ?
Ошвори, чего спрашишся?
Ошвѣчалъ мнѣ Купидонъ.
Я ребенокъ, какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пужи,
Весь дождемъ я замочился,
Не найду, куда идиши.
Жаль его мнѣ очень спало,
Вспалъ, и высккъ я огня;
Ошворилъ лишь двери мало,
Прыгъ диши передъ меня.

Въ шулъ лукъ на немъ и спрѣлы;
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Терь руками руки мерзлы,
Кудри влажныя сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
Ну, посмопримъ-ка, сказалъ:
Хорошо ли лукъ мой гнѣтся?
Не испорченъ ли чѣмъ спалъ?
Молвилъ, и спрѣлу мгновенно
Оспрую въ меня пусшилъ,
Ранилъ сердце мнѣ смертельно,
И смѣяся, говорилъ:
Не шужи, мой лукъ годишся,
Тепива еще цѣла.
Съ шѣхъ поръ началъ я крушиться,
Какъ любви во мнѣ спрѣла.

ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЬ.

Подъ свѣсомъ шумныхъ пополовыхъ
Кусповъ въ пѣни Кипридинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ,
Біющихъ съ горъ, и факель съ нимъ
Лежалъ въ правѣ, чужь чужь куряся.
Пришли шужь Нимфы, и дивяся,
Чшо намъ!—сказали—какъ съ нимъ бышь?
Дай въ воду, въ воду попопишь!
А съ нимъ и огонь, чѣмъ всѣ сгараюшь!
И вошь!—кипишь ключъ пѣной весь;
Съ купающихся Нимфъ спекаюшь
Горящія спруи по днесъ.

XXXV.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Зевесъ быкамъ даль роги,
Копышы лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубаспы зѣвы львамъ;
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безспрашный духъ мущинамъ:
Но чпожъ онъ даль женамъ?
Чѣмъ все то замѣнишь?
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечъ и щипъ
Красавица сражаетъ.

XXXVI.
СОЛОВЕЙ ВО СНѢ.

Я на холмѣ спалъ высокомѣ,
Слышалъ гласъ пвой, Соловей,
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Вняшень былъ душѣ моей:
То звучалъ, то опдавался,
То спеналъ, то усмѣхался
Въ слухъ издалече онъ;
И въ объятіяхъ Калиссы
Пѣсни, вздохи, клики, свиссы
Услаждали сладкій сонъ.

Естьли по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будушь такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ;
И веселья и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Станужъ жизнью наслаждаюсь,
Чаще съ милой цѣловаюсь,
Слушаю пѣсни соловья.

XXXVII.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ.

На розѣ опочила
Въ лиспахъ пчела сидя,
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дишя.
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
И къ мапери бѣжишь;
Облившиися слезами,
Пропаль, умру, кричишь:
Ужалень небольшою
Крылапой я змѣей,
Копорая пчелою
Зовешся у людей.
Богиня опвѣчала:
Судижъ: коль такъ пчелы
Тебя шерзаешь жало,
Чпожъ швой ударъ спрѣлы?

XXXVIII.

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ.

Сопвора Зевесъ вселенну,
Зваль Боговъ всѣхъ на обѣдъ.
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносиль имъ Ганимедъ;
Медъ, амброзія блиспала
Въ ихъ усахъ, по лицамъ огнь,
Благовоній мгла лепала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
Раздавались пѣсень хоры
И звучаль весельемъ пиръ:
Но незапно какъ-то взоры
Опустиль Зевесъ на міръ;
И увидя царснвы, грады,
Что погибли опъ боѣвъ;
Что Богини мещупъ взгляды
На бѣднѣйшихъ паспуховъ;
Разпалился сполько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шапнуль всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землѣй.

Въ мигъ сокрылся блескъ лазуря:
 Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
 Вихоръ съ ризъ его, и буря
 Возшумѣла опъ небесъ;
 Разразились всюду громы,
 Мракъ во пламени горѣлъ,
 Яры волны, будто холмы,
 Понпъ спремился и ревѣлъ;
 Въ разпворенны безднъ упробы
 Таршаръ искры извергалъ;
 Въ шучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
 Погруженный препешалъ;
 И средь спрашной сей превои
 Коль еще бы грянулъ громъ:
 Міръ, Олимпъ, Боговъ черпоги
 Повернулись бы вверхъ дномъ.
 Но Зевесъ вдругъ умилился,
 Спало знатъ красавицъ жаль;
 А какъ съ ними не смирился,
 Новую топчасъ создалъ:
 Ввилъ въ власы пески злапыя,
 Пламя—въ щеки и успа;
 Небо— въ очи голубыя,
 Пѣну,—въ грудь;—и красота

Въ мигъ изъ волнъ морскихъ родилась.
А взглянула лишь она,
Топчасъ буря укропилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелѣя пабуномъ,
На свои ее взявъ спины,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби спаницей,
Гдѣ откуда ни взялись,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись;
И лепя подъ облаками,
Вознесли на звѣздный холмъ:
Зевсъ обѣялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.
Боги, молча, удивлялись,
На красу разинувъ ротъ,
И согласно въ шомъ признались:
Миръ и брани—ошъ красотъ.

XXXIX.

СКРОМНОСТЬ.

Тихій, милый вѣперочикъ,
 Коль порхнешь ты на любезну,
 Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи:
 Есѣли спросишь, чье?—молчи.

Чисшый, быспрый ручеечикъ,
 Есѣли вспрѣпишь ты любезну,
 Какъ слезинка ей въ лицо плещи:
 Есѣли спросишь, чья?—молчи.

Ясный, ведренный денѣчикъ,
 Какъ освѣпишь ты любезну,
 Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи:
 Есѣли спросишь, чьи?—молчи.

Темный, миршовый лѣсочикъ,
 Какъ сокроешь ты любезну,
 Тихо вѣшкой грудь ей щеkochи:
 Есѣли спросишь, кпо?—молчи.

XL.

Д А Р Ъ.

Вошь, сказалъ мнѣ Аполлонъ,
Я даю тебѣ ту лиру,
Коей нѣжный, звучный понъ
Можешь быть пріятень міру.

Пой Вельможей и Царей,
Коль захочешь быть имъ нравень;
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славень.

Есѣли жъ пышность, санъ, богатство
Не по склонностямъ твоимъ;
Пой любовь, покой, пріятство:
Будешь красотою любимъ.

Взялъ я лиру и запѣлъ,—
Струны правду зазвучали:
Кто внимаетъ мнѣ захопѣлъ?
Лишь красавицы внимали.

Я доволенъ, свѣта Богъ!
Даромъ симъ твоимъ небеснымъ.
Я богатымъ быть не могъ:
Но я миль женамъ прелеснымъ.

Ж Е Л А Н І Е.

Къ богамъ земнымъ сближапсья
Ничушь я не ищу,
И больше возвышапсья
Никакъ я не хочу.

Души моею покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашинька моя!

XLII.

Г О С Т Ю.

Сядь, милый гость! здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семь понкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ спола немножко,
Пріятно часикъ похрапѣшь:
Злапой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случишся, что изъ сновъ прелесныхъ
Приснишся здѣсь тебѣ какой;
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Злапой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ,—я радъ:—
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

Д Р У Г У.

Пойдемъ севодни благовонный
Мы черпашь воздухъ, другъ мой! въ садъ;
Гдѣ вязы свѣшлы, сосны тѣмны,
Гуспыми купами спояшъ;
Копорый съ милыми друзьями,
Съ подругами сердець своихъ,
Садилы мы, распили сами:
Ужъ нынѣ шѣнь пріятна въ нихъ.

Пусть Даша спашна, черноока,
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, шамъ у попока;
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ,
Пропляшувъ вмѣстѣ козачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подаспъ рука.

Мы, сидя шамъ въ тѣни древесной,
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:
Сперва за женской полъ прелестной,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи:—
Съ одними намъ пріятно быть;
Другіе же, какъ скрыпы змѣи,
Насъ учать оспорожно жиць.

ПАРАШЪ.

Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!

Ты, кошорой повпоряешъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ Параша ударяешъ
Въ струны, упѣшая насъ.

Всшань, пойдемъ на лугъ широкой,
Мягкой, скашисшой, къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣнью древь далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ скользя по нихъ сверкаешъ
Лучь опъ Царскихъ перемовъ,
Звѣзды, солнцы рассыпаешъ
По тѣнямъ между кустовъ.

Какъ за сребреной площицей
Линь злапой по дну бѣжишь;
За прекрасною дѣвицей,
За побой, Амуръ лешишь.

Какой шамъ молодецъ проворной,
 Прекрасный, спашный, вспрысканъ весь
 Водой душистой, благовонной,
 Въ саду, въ цвѣтахъ между деревесъ,
 Тебя въ бесѣдкѣ обнимаешь?
 Толь спраспно къ сердцу прижимаешь,
 И огонь съ смѣющихся пьетъ розъ?
 И для кого ты такъ небрежно
 На голубые взоры нѣжно
 Спустила прядь злыхъ волосъ?

* * *

Увы! — онъ сколько разъ слезами
 Омочилъ спраспную любовь,
 Какъ вдругъ межъ черными волнами,
 Ошпыль въ далеко опъ береговъ,
 Себя увидишь, проклиная. . . .
 Такъ Пирра, Пирра дорогая!
 Кшо сполько легковѣрнымъ спалъ,
 Чшо вѣкъ побой мнишь наслаждашься:
 Тотъ долженъ искренно признашься,
 Чшо буръ онъ въ морѣ не видалъ.

О злополучна и несчастна,
Безопытная молодіѡжь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льёшь?
Но естлибъ что меня касалось,
Тебѣль, другой ли помечталось,
Скажу: бываль я на моряхъ,
Терпѣль и кораблекрушенья;
Но днесъ, въ знакъ моего спасенья,
Висипъ ужъ опущенъ мой флагъ.

Б О Г А Т С Т В О.

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно крапку жизнь продлишь,
Не спавя ничего препяствомъ,
Я спаль бы золото копишь.
Копиль бы для того я злапо,
Чшобы, какъ придетъ смерть сражашъ,
Тряхнушь карманомъ шаровапо,
И жизнь у ней на опкупъ взять.
Но ежели не лзя казною
Купишь минушы ни одной,
Почпо же злапа намъ алчбою
Такъ много нашъ смущашъ покой?
Не лучшель въ пиршесствахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводишь;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ,
Младымъ красавицамъ служишь?

XLVII.

ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ.

Милая заря весення,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ вспаешъ съ криспальныхъ водъ,
И въ небесный идешь сводъ,
Мещешъ яхоншныя взоры;
Тихій свѣтъ и огонь живой
Проницаешъ пверды горы:
Такъ, Варюша, образъ швой.

XLVIII.

Г О Р Ы.

Желалъ бы вѣкъ я бытъ съ жидовочкой пре-
красной,

Чшобъ въ горкахъ и горахъ съ ней время прово-
дишь:

Но вмѣсто я того, по волѣ Царской, власпной,
Обязанъ испину въ толпѣ крестьянъ слѣдишь.

Оспавя арфы звукъ, гишары, форшопьяна,
Волшебной гласъ ея, и пляску козачка,
Я долженъ разыскашь, какъ чернь была вся
пьяна,

Какъ земскому суду угладила бока;
И словомъ, всякой день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣшь,
Таланповъ пысячю и прелесшми плѣняясь,
Бекасами ея лишь—сышу бытъ умѣшь.

XLIX.

Г О Р К И.

Севодни мы швое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ,
За здравье пьемъ, и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ;
А пожъ и швоему супругу,
Чшобъ долго и пріятно жишь,
И недругу давашь и другу
Пирь, забавы,—ѣсшь и пишь.

Сей день усыпали цвѣтами.
Младая дѣвы ложе мнѣ,
И пихихъ пѣсень голосами
Восхишили мой духъ во снѣ.
Казалось, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ,
И съ липъ злапымъ пишаясь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ;
Близъ водъ жилъ въ полѣ Елисейскомъ,
Веселоспей вкушая пѣму;
Но вспавъ, увидѣлъ: въ миломъ, сельскомъ
Твоемъ, Жуковской, я дому.

LI.

М Е Л Ь Н И К Ъ.

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
„Вишь разклютъ же даромъ пшеницы,
„Возьми, сшаринушка, смели.,,
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охопа рьяна:
Я ну молотъ всѣмъ живопомъ.
Мололъ я приспально, прудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но чпо жъ?—Какъ ни пошѣлъ, ни бился,
Не раздавилъ я ни зерна.
Смѣясь мнѣ дѣвушки въ назолу,
Пеняли: чпожъ не мелишь, дѣдъ?—
А вы,—сказалъ я,—для помолу
Пришли, какъ жорновъ не берешъ.

LII.

ПТИЦЕЛОВЪ.

Эрошъ, чшобъ слабымъ спарикомъ
Казашься, гуню ездѣль худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину,
И шамъ по сучьямъ разкидалъ
Такъ хипро сѣшь, какъ паушину:
А нужно гдѣ, то и злапой
Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы,
Чшобы приманкою шакой
Скорѣ побуждались пшицы
Слешашься въ пошпенну сѣшь.
Лишь споль увидѣли богапый
Не позамедлили лепѣшь
Къ нему различныя пернашы,
И носиками ну клевашь,
Ну зоблишь зерна золопья,
А шупъ же въ сѣши попадашь
И пушашься, какъ бы слѣпья.

Эропъ смекнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхуль и къ добычи пустился,
Сверкнуль, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала пошекла.
Ахъ! не клевашь было пшеницы
Вамъ бѣднымъ пшашкамъ золошой!
Не вѣрыше, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой!

LIII.

СТРѢЛОКЪ.

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гуляшъ:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ поспрѣляшъ.

На лешу я пшицъ пернапыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, шущъ спрѣлялъ;
Въ нехохлапыхъ и хохлапыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.

Но вечеръ вдругъ повспрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Въ мигъ крылами размахалась
И пошла ко мнѣ на бой.

Хвапъ въ колчанъ, анъ спрѣлъ ужъ нѣшу,
Лукъ опущенъ; спалъ я въ пень.
Ахъ! беречь было монешу
Бѣлую на черный день.

LIV.

П Ъ Н О Ч К А.

Пѣночка! какъ ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, вспрепенешься,
Носикъ, шейку обопрешь:
Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зарю,
И какъ вѣрно, нѣжно, спрашно
Мной ты,—я побой горю.

Пой, созданіе любезно!
Какъ взаимно спрашью нѣжно
Млѣешь сердце, чувства, кровь,
Какъ сладка, сладка любовь!

Какъ оправдно упѣшенье,
Съ пѣмъ, кшо миль, всечасно бышь;
Какъ пріятно восхищенье
Бышь любиму и любишь!

РУСКІЯ ДѢВУШКИ.

Зрѣль ли ты, Пѣвецъ Тійскій!
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшущъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью паспушка?
Какъ, склонясь главами, ходящъ,
Башмаками въ ладъ спучашъ,
Тихо руки, взоръ поводящъ,
И плечами говорящъ?
Какъ ихъ леншамъ злаными
Челы бѣлыя блестящъ,
Подъ жемчугами драгими
Груды нѣжныя дышащъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланипахъ огневыхъ
Ямки врѣзала любовь?
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка—души львины
И орловъ сердца—разящъ?

Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ:
Ты бѣ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладоспращныхъ
Твой Эрошъ прикованъ былъ.

ПѢСНЬ БАЯРДА.

Сладостное чувствъ помленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ пвое намъ вдохновенье
Восхищительно, Любовь!

Нѣтъ блаженнѣе той часпи,
Какъ бытъ въ плѣнѣ милой власпи,
Какъ взаимну цѣпь носишь,
Бытъ любиму и любишь.

Умножайся пламень нѣжный
Подъ желѣзной лапой сей,
Печашлѣйся видъ любезный
Въ мысляхъ и душѣ моей.

Нѣтъ блаженнѣе той часпи,
Какъ бытъ въ плѣнѣ милой власпи,
Какъ взаимну цѣпь носишь,
Бытъ любиму и любишь.

Въ бой иду, не ужасаюсь;
Чессть любезной опомщу.
Сobleщиге, — ополчаюсь! —
Молнии, моему мечу!

Нѣтъ блаженнѣе поѣ часпи,
Какъ бытъ въ плѣнѣ милой власпи,
Какъ взаимну цѣпь носишь,
Бытъ любиму и любишь.

В А Р Ю Ш К А.

Какъ, Варюша, ты прекрасна!
Есѣли не изъ сердца спрасна,
А изъ дружбы лишь одной,
Я, писавши образъ швой,
Написалъ тебя зарею:
То моложе есѣлибъ былъ,
Я бы съ пламенной душою
Въ тебѣ солнце находилъ.

Написалъ бы, какъ въ диванѣ
Въ голубомъ швоемъ шюрбанѣ
Ты сидишь, и для красы,
На чело спуспя власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонить:
Должно бышь душѣ желѣзной,
Чѣобъ взглянувъ не полюбишь.

Гдѣ сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающій алмазь
Быль ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ
Бриліанщика молода,
Что купишь тебя не могъ?
Онъ отъ глазъ бы свѣта злова
Спряпалъ, заперъ за замокъ.

Не продажной, но завѣшной
Ты жемчугъ, цѣны несмѣшной,
И не лзя тебя купишь,
Кучей лапа замѣнишь:
А чтобъ нравишься прекрасной
И плѣнишь тебя кто могъ,
Нуженъ мальчикъ нѣжной, спрасной,
Взглядъ любви,—крылатый богъ.

Не въ лѣшнійль знойный день прохладный въ шерокъ
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуешь?
Не въ знакъ ли журчишь хрустальный ручеекъ?
Иль милая въ шѣни деревь меня цѣлуешь?

Нѣшь! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющій, согласьемъ пихоспруннымъ,
Какъ эхо мнѣ вдали щекочешь нѣжно слухъ;
Иль шумомъ будишь вдругъ вблизи меня перуннымъ.

Такъ ты, подруга Музъ! ліешь мнѣ твоей воспоргъ
Подъ быспрою рукой играющей Харишъ,
Когда ея чело вѣнчаешь вкуса богъ,
И улыбаюшся любовію ланишъ.

Какъ весело внимаешь, когда съ тобой она
Поешь про родину, опечесство драгое,
И возвѣщаешь мнѣ, какъ шамъ цвѣшешь весна,
Какъ время кашишся въ Казани золошое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять швоей зарей,
И швой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны спада я буду зрѣшь,
Вась, дубы Камскіе, опъ времени почтенны!
По Волгѣ между сель на парусахъ лешѣшь,
И гробы обнимають родителей священны?

Звучи, о арфа! ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатень!
Мила намъ добра вѣсть о нашей споронѣ:
Опечесства и дымъ намъ сладокъ и пріятень.

НА РАЗЛУКУ.

Не раздаюшся больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ побой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу опъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когдажъ назадъ ты возвратишься,
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою на вѣкъ проспишься,
Съ Мурзой, Милордомъ и копомъ?
Пожалуй возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы,
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеши Мурзѣ усы.

LX.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА.

Возьми, Египтянка, гишару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладоспрасна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Опъ смуглаго лица.

Неиспово, роскошно чувсво,
Нервъ препеть, мѣніе любви,
Волшебное заразъ искусво
Бакханокъ древнихъ оживи.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Опъ смуглаго лица.

Какъ ночь,—съ ланипъ сверкай зарями,
Какъ вихорь,—прахъ плащомъ смешай,
Какъ ппица,—подлепай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Опъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ноцію сосновымъ,
 При блескѣ блѣдныя луны,
 Топоча по доскамъ гробовымъ,
 Буди сонъ мершвой пишины.

Жги души, огонь бросай въ сердца
 Опъ смуглаго лица.

Да вопль швой, эвоа! ужасный,
 Вдали мѣшаясь съ воємъ псовъ,
 Ліепъ повсюду гулы спрашны,
 А сласполубіе любовь.

Жги души, огонь бросай въ сердца
 Опъ смуглаго лица.

Нѣпъ, спой, прелеспница! довольно,
 Музь скромныхъ больше не спраши;
 Но плавно, важно, благородно,
 Какъ руска дѣва, пропляши.

Жги души, огонь бросай въ сердца,
 И въ нѣжнаго пѣвца.

LXI.

Ц Ъ П И.

Не съшуй, милая, со груди чпо пвоей
 Сронила невзначай пы цѣпи дорогія:
 Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
 Оковы пягоспны, хопя они зланыя.

Такъ наслаждайся жъ здѣсь пы вольностью свяшой,
 Свободною живя, какъ въперокъ въ полянкѣ;
 По рощамъ пролешай, кропись водъ спруей,
 И чѣмъ въ Петрополѣ, будь шасливѣй на Званкѣ.

А ешлы и шебѣ подѣ бремя чьихъ оковъ
 Подвергнушься велишъ когда либо природа:
 Смопри, чпобъ ихъ плела любовь лишъ изъ цвѣшовъ;
 Пріятнѣй эшопъ плѣнь, чѣмъ самая свобода.

LXII.

ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ

ПЛѢНИРЫ.

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блиспаніи луны,
Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ пишины!
Приди въ подобьи пѣни,
Въ мечпѣ, иль легкомъ снѣ,
И сѣдши на колѣни
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія изчисли,
Вздыханія измѣрь,
И всѣ мои пы мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть оспрый серпъ судьбины
Моихъ не косишь дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, ты въ шуманъ
Течешь ко мнѣ рѣкой!
Плѣнира на диванъ
Просперлась надо мной,
И легкимъ осязаньемъ
Успѣ сладостныхъ твоихъ,
Какъ въперокъ дыханьемъ,
Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь,
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
„Почто такъ сокрушаешь
„Себя, мой милый другъ?
„Не лзя смягчить судьбину,
„Ты сколько слезъ ни лей;
„Милой половиною
„Займи души твоей.,,

Блаженъ, подобился Богамъ
Съ побой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій успамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ спрашнхъ взорахъ!

Увижу ль я сіе,—и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь пѣснишся,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ,
И молнія по мнѣ спремишся.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю;
Дрожу, блѣднѣю,—и какъ злакъ
Упадшій, вяну, умираю.

LXIV.

С А Ф Ъ.

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣшь швоей подруги спрасъ,
Прошяжные и шихи звуки
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власъ
Любви швоей изображали:
Но ревность лишь зашмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали
И приближался бурный шумъ.

Тогда бѣлорумяны перспы
По звучнымъ вспрыгали спрунамъ,
Взоръ черноогненный, опверспый
И молнія во слѣдъ громамъ
Блиспала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдный хладъ разпроспраняла,
Я умиралъ игрой швоей.

О! еспѣли бы я былъ фаономъ,
И пламень швой мою бѣ жегъ кровь:
Твоимъ бы спраспнымъ, пылкимъ пономъ
Я описалъ свою любовь.
Тогда съ моей всесильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ лепѣть:
Какъ ты свою, такъ я Плѣниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

LXV.

Т О Н Ч И Ю.

Безсмертный Тончи! ты мое
Лице въ помъ, слышу, пишешь видѣ,
Въ какомъ бы мастерство твое
Въ Омирѣ древнемъ, Ариспидѣ,
Сократѣ и Капонѣ, въ вѣкъ
Потомковъ поздныхъ удивляло;
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человекъ.

Но лысина ль, или парикъ,
Но пога ль, иль мундиръ кургузый
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! философія и Музы;
Онѣ насъ славными шворають.
О! есѣли бѣ осѣнялъ духъ правый
И освѣщаль меня лучъ славы:
Приспалъ бы всякой мнѣ нарядъ.

Такъ, Живописецъ - философъ!
 Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
 Какъ знаешь ты; но лишъ любовь
 Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.
 А есѣли слабоспи самимъ
 И величайшимъ людямъ сродны,
 Не позабудь во мнѣ подобны,
 Чѣобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣтъ: ты лучше напиши
 Меня въ напурѣ самой грубой:
 Въ жестокѣй мразь съ огнемъ души,
 Въ косматой шапкѣ, скѣпавъ шубой;
 Чѣобъ шель, природѣ лишъ водимъ,
 Прошивъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ,
 Възнакъ, чѣо рожденъ въспранахъ я льдистыхъ,
 Чѣо былъ прапращуръ мой Багримъ.

Не испугай жены, друзей,
 Придай мнѣ нѣжності немного:
 Чѣобъ былъ я ласковъ для дѣпей,
 Лишъ въ должності бѣ судилъ всѣхъ спрого;
 Чѣобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
 А очи мягкосью блиспали;
 Красотки бы по мнѣ вздыхали,
 Хошъ въ Плапонической любви.

LXVI.

П И К Н И К И.

Оставя безпокойство въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы.

Невинны красоты Природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды—
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранишь;
Богатствомъ, власью и чинами
Себя опнюдь не возносишь.

Но есѣли весель кѣо, забавень,
Любезнѣе другихъ пошъ намъ;
А есѣли скромень, благодравень,
Мы чшимъ шого не по чинамъ.

Насъ не касаюшся раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры,
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и Герою
Повиновашся красошамъ;
Всегда одной дышашъ войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпашъ;
Любви и дружества желанье—
Между собой цвѣты срываашъ.

Кто ищетъ общесства, согласья,
Приди повеселись у насъ;
И то для человека щасье,
Когда одинъ пріятель часъ.

LXVII.

РАЗНЫЯ ВИНА.

Вопь красно-розово вино,
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
Какъ сердцу сладоспно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успь багряныхъ!
Ты пожь румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вопь черно-шиншово вино,
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.
Какъ сердцу сладоспно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успь лиловыхъ!
Ты пожь, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вопь злапо-кипрское вино,
За здравье выпьемъ свѣшловласыхъ.
Какъ сердцу сладоспно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успь прекрасныхъ!
Ты пожь, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вопь слезы Ангельски вино,
За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.
Какъ сердцу сладосно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успѣ любезныхъ!
Ты пожъ нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

LXVIII.

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ.

Пьяный.

Сосѣдъ! на свѣшѣ все пусшое:
 Богашспво, слава и чины.
 А еспъли за добро прямое
 Мечпы бышѣ могушѣ почпены:
 То здраво и покойно жишѣ,
 Съ друзьями время проводишѣ,
 Красопѣ любишѣ, любимымѣ бышѣ,
 И съ ними сладко ѣспѣ и пишѣ.

Какѣ пѣнишѣ вино прекрасно!
 Какой въ немѣ запахѣ, вкусѣ и цвѣшѣ!
 По чшо теряшѣ часы напрасно?
 Налъемѣ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Сосѣдъ! на свѣшѣ не пусшое
 Богашспво, слава и чины;
 Блаженспно сыщемѣ въ нихѣ прямое,
 Когда мы будемѣ лишѣ умны,
 Привыкнемѣ прямо честѣ любишѣ,
 Умѣренно, въ довольспвѣ жишѣ,
 По самой нуждѣ ѣспѣ и пишѣ:
 То можемѣ всѣ щаспливы бышѣ.

Пусть пѣнишся вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣшъ;
Не наливай пы мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ.

Пьяный.

Гонялся я за звучной славой,
Вспрѣчалъ я смѣло ядры лбомъ;
Сей звѣрской упоень оправой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза спрашнымъ бышь,
Себя губишь, другихъ мерсвишь,
Въ убійствѣ время проводишь?
Безумно на убой ходишь.

Какъ пѣнишся вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣшъ!
По чѣму перяшь часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Гоняшься на войнѣ за славой
И съ ядрами вспрѣчаешься лбомъ
Велишь тому разсудокъ здравой,
Кто лишь рождень не дуракомъ:
Царю, опеческву служишь,
Чадъ, женъ, родишелей хранишь,
Себя ошъ плѣна боронишь—
Священна должностъ храбрымъ бышь!

Пусть пѣнился вино прекрасно!
 Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
 Не наливай ты мнѣ напрасно:
 Не пью, любезный мой сосѣдъ.

Пьяный.

Хотѣлъ я сдѣлаться Судьею,
 Законы свято соблюдаю:
 Увидѣлъ, что кривящъ душою,
 Гдѣ должно сильныхъ осуждаю.
 Какая польза такъ судишь?
 Однихъ щадишь, другихъ казнишь,
 И совѣстью своею шутишь?
 Смѣшно въ пенеша мухъ ловишь.

Какъ пѣнился вино прекрасно!
 Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
 По что теряешь часы напрасно?
 Налюемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Когда судьба тебѣ Судьею
 Въ судахъ велѣла засѣдать:
 Вершѣшься нужды нѣтъ душою,
 Когда не хочешь взятокъ брать.
 Какъ можно такъ и сякъ судишь,
 Закономъ правду пенешешь,
 И подкупаешь себя пусишь?
 Судьѣ злодѣемъ спрашно быть!

Пусть пѣнишся вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣшъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ.

LXIX.

З А З Д Р А В Н Ы Й О Р Е Л Ъ .

По сѣверу, по югу,
Съ Москвы орель паришъ;
Всему земному кругу
Полешъ его звучишъ.

О! исполашъ, ребяпы,
Вамъ, Рускіе солдапы!
Чшо вы неуспрашими,
Никѣмъ непобѣдимы:
За здравье ваше пьемъ.

Орель бросаешъ взоры
На льва и на луну,
Спокгольмы и Босфоры
Всѣ бьюшъ челомъ ему.

О! исполашъ вамъ, вои,
Безсмертные Герои,
Румянцовъ и Суворовъ!
За сполько славныхъ боевъ:
Мы въ память вашу пьемъ.

Орель глядишь очами
На солнце съ вышины;
Герои подъ шлемами,
На женски красоты.

О! исполась, красоти,
Вамъ, Росски Амазонки!
Вы въ мужесквѣ почтенны,
Вы въ нѣжности любезны:
Здоровье ваше пьемъ!

LXX.

Г О Л У Б К А.

Опколь, голубка мила!
 Лешишь такъ рѣзво пы?
 Опкуда, бѣлокрыла!
 На воздухъ льешь цвѣты,
 И сладкій запахъ въ чувспва?
 Кпо, съ чѣмъ, послалъ шебя?

Голубка.

Богъ свѣта и искусствва
 Послалъ съ письмомъ меня
 Къ красавцу молодому,
 Къ владыкѣ всѣхъ сердець,
 Къ тому Божку земному,
 Кому меня фелица
 Въ наслѣдье опдала:
 „Будь Хлорова пы ппица,
 „Съ усмѣшкою рекла;
 „Носи ему съ небесной
 „Ты пѣсни вышины;
 „Какъ славой Мнѣ, всемѣспной
 „Наполнь его спраны.,,—

И я съ шѣхъ поръ, какъ должно,
 Ему, какъ Ей, служу;
 Пріятную, сколь можно,
 Гармонію ношу:
 А онъ за то злапую
 Мнѣ хочеть вольноспѣ дасть.
 Но даспѣ, иль нѣспѣ, какую,
 Мнѣ нечего желаспѣ.
 Какая эпо воля,
 Лесала чшобѣ одна;
 Была бѣ безвѣспна доля,
 Была бы голодна?
 Коль днесъ пшеницей Хлоромъ
 Изъ успѣ его кормлюсь,
 Его пишаясь взоромъ,
 Щаспливою зовусь:
 На лонѣ, иль на шлемѣ
 Кружусь, воркую я,
 И въ сладкомъ эпомъ плѣнѣ
 Мила всѣмъ пѣснь моя.

Проспи жѣ меня, прохожей!
 Не будь къ болпанью спрогъ:
 Сей день была похожей
 Голубка на сорокъ.

LXXI.

Л И З Ъ.

П О Х В А Л А Р О З Ъ.

Я воспѣлъ весну прекрасну,
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣповъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милой, юной!
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ пихоспрунной
Пѣснь мою сопровождай.
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила;
Здравью, разуму полезна,
И невинностью свѣпла.
Роза пѣнія доспойна,
Даръ священный олшарей;
Царспвъ владычицамъ подобна,
Въ одѣянїи Царей.
Роза, естли успрашаетъ,
Тернь свой спавя чеспи въ щипъ;
Во цвѣпахъ благоухаетъ,
Очи, души веселитъ;

Розовы уста прекрасны,
 На ланишахъ миль ихъ смѣхъ;
 На грудяхъ лилейныхъ ясны,
 Любы Лелю для ушѣхъ.
 Розы старцамъ ушѣшенье,
 Свящъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ;
 Розы дѣвамъ украшенье,
 Восхищенье молодцамъ.
 Розы лучшее убранство
 И пріятносшей младыхъ,
 Розы красотъ въ подданство
 Клонящъ и владыкъ земныхъ.
 Розы въ пиршествахъ ушѣха,—
 На госняхъ, какъ огонь, цвѣшущъ;
 Розы въ скупѣ не помѣха,
 Услаждающъ скорбь и шрудъ.
 Розовы лиспы нагрѣшы
 Вздохомъ успѣ, ударомъ рукъ,
 Щасливой любви обѣшы—
 Громкой производящъ звукъ.
 Розы пожъ намъ помогающъ,
 Какъ и стрѣлы, побѣждащъ;
 Коль красу гдѣ выхваляющъ,
 Лзя ли розой не назващъ?

Роза другъ зари румяной,
Дщерь весны и кринь небесъ;
Миръ даетъ душѣ печальной,
Изсушаетъ токи слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляетъ соловей;
Зефиръ вѣетъ, и природа
Улыбается вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщаютъ,
Намъ по смерти розы честь;
Спихотворцы воспѣваютъ
Розовой Авроры персть.
Роза всѣмъ кустамъ царица,
Ароматовъ сладкихъ мать;
Бисеромъ своимъ зарница
Розу любитъ окроплять.
Роза міру покрывало,
Образъ солнца, красоты;
Розу похвалишь чѣмъ, мало:
Будь мнѣ, Лиза, ею — ты!

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ.

По что Випіевъ правилъ
Мнѣ вьючипъ бремена?
Премудроспъ я оспавилъ:
Не надо мнѣ она.
Вы лучше поучише,
Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пишъ;
Съ прекрасной помогите
Венерой пошупишъ.
Ужъ нѣшъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣшъ;
Подай мнѣ, мальчикъ милый!
Вина, хопъ поглядѣшъ;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходишъ время спрого,
Покину,—что люблю.

LXXIII.

Х М Е Л Ъ.

Хмель какъ въ голову залѣзешъ,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь;
Крезъ съ богатырскими исчезнешъ,
Пью!—и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь спавлю свѣшъ;
Въ бой идешъ пускай мужъ бранный,
У меня охоты нѣшъ.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше—пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ,—лежапъ.

LXXIV.

МОРЕХОДЕЦЪ.

Что въпры мнѣ и сине море?
Что громъ, и шпормъ, и океанъ?
Гдѣ ужасы, и гдѣ пущь горе,
Когда въ рукахъ съ виномъ спаканъ?
Спасешъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣшъ! сила въ томъ, чшобъ духъ пылалъ.
Я пью! и не боюсь напасши,
Приди хопя девяшый валъ!
Приди, и волнь зіяй упроба!
Мнѣ лучше пьянымъ ушонупъ,
Чѣмъ презвымъ доживашъ до гроба,
И съ плачемъ плышъ въ шоль дальній пущь.

LXXV.

МАХІАВЕЛЬ.

Царей насмѣшникъ, иль учишель
Великихъ, иль поспыдныхъ дѣль!
Душъ слабыхъ, мѣлкихъ обольститель,
Поди опъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ пвоихъ замашекъ,
Обмановъ понкихъ, хипроспей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для щаспія честныхъ людей,
Довольно видѣшь сквозь покалы
Всю нашихъ внупренность сердець;
На бой насъ посылашь, на балы,
Изъ лавровъ плеснь и розъ вѣнецъ.

ГРАФИНЬ ОРЛОВОЙ.

Ты взорами орлица,
Достойная опца;
Душою голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивяшся
Уму и красошамъ,
И въ пляскахъ всѣ спремяшся
Лишь по швоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Пешрополѣ,
Побѣды поженешь:
Какъ флотъ опецъ швой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

LXXVII.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Что нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу;
Мнѣ лѣнѣ и звѣздѣ не нада,
Вельможей не слыву;
О помѣ лишь я спараюсь,
Чтобъ щасливо прожить;
Со всѣми обнимаюсь,
И всѣхъ хочу любить.
Кто вѣдаетъ, что будешь?
Севодни мой лишь день:
А завтра всякъ забудешь,
И все пройдетъ какъ пѣнь.
За чѣмъ же мнѣ способну
Минушу поперяшь,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнашь,
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богатъ, съ женой коль ладъ;
Богатъ, коль Лель и Лада
Мнѣ дружны, и Уладъ.

Богатъ, коль здоровъ, обиленъ,
Могу поѣсть, попить;
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Милою пошалишь.

LXXVIII.

ОХОТНИКЪ.

За охопой пы на Званку
 Ппиць пріѣхаль поспрѣляшь;
 Но бѣлянку и смуглянку
 Вдругъ увидѣвъ, спаль вздыхашь.

Что шакое это значишь,
 Миленкой охопникъ мой?
 Ты молчишь, а сердце плачишь:
 Ппицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли оспіренькіе глазки
 Понадѣлали хлопощь?
 Съ ихъ ланишь, изъ алой краски,
 Зрѣль я, цѣлился Эрошъ.

Какъ же бышь? И чѣмъ лечишься?
 Ппичекъ пы багриль въ крови:
 И шебъ пришло помишься
 Опъ смерпельныя любви.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ.

Хоть вся шеперь природа дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ,
И только на себя глядитъ.

Примѣшь мои ты разговоры,
Помысль о мнѣ на единѣ;
Брось на меня пріятны взоры,
И нѣжноспью опвѣспивуй мнѣ.

Единымъ опвѣчай воззрѣньемъ,
И мысль свою мнѣ сообщи:
Что съ пѣмъ сравнился восхищеньемъ,
Какъ двѣ сольются въ насъ души?

Представь въ умѣ сіе блаженство,
И ускорай его вкусишь:
Любовь лишь съ божествомъ равенство
Намъ можешь въ жизни подарить.

LXXX.

ПЛАМИДЪ.

Не сожигай меня, Пламида,
Ты пихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ; опъ ихъ я вида
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я Царемъ вселенной,
Иль самымъ спрогимъ мудрецомъ:
Пріятностью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все: мудрость, скипетръ и державу
Я опдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задашокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погасъ огонь въ душѣ моей.

В С Е М И Л Ъ.

Какая непонятна сила
Изъ успъ швоихъ и изъ очей
Плѣняешь, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красота владѣешь міромъ,
Сердца ей пронъ и олшари;
Ее чшущъ мудрые кумиромъ,
И поклоняющся Цари.

Прочши дѣянiя великихъ,
Всѣ къ нѣжностн склоняли слухъ;
Причина подвиговъ шоликихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкiй духъ.

По чшожъ, о милое шворенье!
Груспишь и понешь шакъ въ слезахъ,
Когда Царей и царствъ правленье
Въ швоихъ содержишся рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ;
Въ слезахъ швердишь ты: „все мечта!“,
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь—женщинъ красота.

Не лобызай меня такъ спраспно,
Такъ часпо, нѣжный, милый другъ!
И не нашепывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ воспоргахъ,
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей спраспи пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжешь,
И удовольствій чувство полно:
Погаснешъ скоро и пройдешь.
И ахъ! тогда придетъ въ мигъ скука,
Осшуда, ошвращенье, къ намъ.

Желаю ль цѣловать спокрапно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И по приспойно, такъ, безспраспно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразы,
Какъ брашъ сеспру свою цѣлуешь:
То будетъ вѣчень нашъ союзъ.

LXXXIII.

К Р У Ж К А.

Краса пирующихъ друзей,
 Забавъ и радостей подружка,
 Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
 Большая сребренная кружка!

Давно ужъ намъ въ шебя пора

Пивца налишь

И пишь:

Ура! ура! ура!

Ты дочь великаго ковша,
 Которымъ предки наши пили;
 Веселье ихъ была душа,
 Въ пирахъ они щасливо жили.

И намъ, какъ имъ, давно пора

Щасливымъ бышь

И пишь:

Ура! ура! ура!

Бывало спарики въ винѣ
 Свое все попопляли горе,
 Дралися храбро на войнѣ:
 Вишь пьянымъ по колѣни море!

Забышь и намъ всю грусть пора,

Опважнымъ бышь

И пишь:

Ура! ура! ура!

Бывало дольше длился вѣкъ,
 Когда діешъ не наблюдали;
 Былъ здоровъ и щасливъ человекъ,
 Какъ только пили да гуляли.

Давно гуляшъ и намъ пора,

Здоровымъ бышъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

Бывало пляска, рѣзвостъ, смѣхъ,
 Въ хмелю другъ друга обнимающъ;
 Теперь, на мѣсто сихъ ушѣхъ,
 Жеманствомъ, лаской угощающъ.

Жеманство намъ прогнашъ пора,

Но просто жишъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

Въ садахъ бывало средь прохладъ
 И жоны съ нами куликающъ,
 А нынѣ клобъ да маскарадъ
 И женъ ужъ съ нами разлучающъ,
 Французишъ намъ преспашъ пора;

Но Русь любишъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

Бывало друга своего,
Теперь карманы, посѣщаютъ;
Гдѣ виспѣ, да банкѣ, да макао,
На деньги дружбу шамъ мѣняютъ.

На каршы намъ плеватьъ пора;

А скромно жишъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

О сладкій дружества союзъ,
Съ гренками пивомъ пѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила шамъ, весела пирушка.

Пребудъ ты къ намъ всегда добра:

Мы спанемъ жишъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

LXXXIV.

ГИМНЪ С А Ф Ы

В Е Н Е Р Ъ.

Безсмертная Венера!

Всечтимая Богиня,
Юпитерова дочь,
Которая прельщаешь
Сердца всѣхъ земнородныхъ!
Не мучь души моей
Скуку бременемъ, печалей,
Тебя въ помъ заклиною.
Но прійди ко мнѣ,
Какъ приходила прежде,
И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,
И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ нѣкогда была,
Когда ты оставляла
Домъ опчій позлащенный
И на швоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ

Съ Олимпа низлешала,
Легко съ высопъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быспрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробьи;
И кончивъ быспропечно
Свое они рыспанье,
Съ ней возвращались вспяпъ.
Тогда ты, всеблагая!
Своимъ лицомъ небеснымъ
Осклабься на меня
Умильно, вопрошала:
О чемъ я шакъ шоскую?
За чѣмъ звала шебя?
И коимъ средспвомъ можно
Тревожный, заблужденный
Спокоишь разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,
Желала бы увѣришь,
Разжалобишь, смягчишь,
И удержишь въ оковахъ?
Кто шопъ неблагодарный—
Ты шакъ вѣщала мнѣ:—
Любезнѣйшая Сафа!

Тебя что презираешь?
Тебѣ не внемлешь кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не нѣженъ, не привѣпливъ,
И опъ тебя бѣжишь:
Самъ бѣгаешь за побою,
Искаешь тебя, онъ спанешь.
Когда отвергъ свой даръ,
Пришлешь тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любишь,
Полюбишь сполько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь.
И такъ приди, Венера!
Приди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томлений, грусти, муки!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаешь,
Дай сердцу моему.
Приди, возмись, Богиня!
Ты заспушишь собою
И защишишь меня.

LXXXV.

Т И Ш И Н А.

Не колыхнеть Волховъ темный,
Не шелохнеть лѣсъ и холмъ,
Мещеть на поля чужь блѣдный
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.

Какъ, я мнилъ въ уединеньи,
Въ хижинѣ бытъ славу мнѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньи;
Что въ могилѣ, то во снѣ.

Нѣтъ! палантъ не увядаетъ
Вѣчнаго забвенья въ тѣмѣ;
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:
Я блесну на вышинѣ.

Такъ! пойду хощя въ забаву
За пѣвцомъ Тіискимъ въ слѣдъ;
И снискаю его чѣмъ славу,
Спану забавляю я свѣтъ.

Спану шушкою влюбляпсья,
На бумагѣ пипись и ѣспь,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкапсья,
И въ сѣдинахъ будпо цвѣспь.

Я пою,—Пиндѣ спала Званка,
Совосплещупь Музы мнѣ;
Возгремѣла балалайка,
И я славень въ пишинѣ!

LXXXVI.

В Н И М А Н І Е.

Тебя какъ Музы слышущъ
И какъ ты слышишь ихъ,
Пріятностію дышущъ
Въ пріятностяхъ твоихъ.

Эрошъ, смотря пихонько,
Сказаль: какъ ты мила!
Будь щасплива имъ сполько,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя,
Прикуй ее къ себѣ,
Чтобы лепашъ не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ.

Привыкла бѣ жить съ тобою,
И такъ бы вы сжились,
Какъ бабочка свѣчою,
Собою вы сожглись.

Красавицы, вздыхая,
Завидовали бѣ вамъ;
Я пѣсни вамъ слагая,
Слагалъ бы красошамъ.

Красамъ, хвалу чѣто прубяшъ
И мнѣ, какъ ты, льспя Музъ:
А шѣмъ, чѣто насъ не любяшъ,
Пѣшь пѣсенъ не берусь.

LXXXVII.

Г И Т А Р А.

Шестиструнная гитара
 У красавицы въ рукахъ,
 Громы звучаго Пиндара
 Заглушая на устахъ,
 Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ,
 Пѣшь велишь любовь.

Я пою подъ миршой мирной,
 На красы ея смопря,
 Не завидуя обширной
 Власпи самаго Царя;
 Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
 Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть вожди въ бояхъ дерущся,
 Въ думахъ баре брань ведутъ;
 Алыхъ устъ ея коснувшись,
 Вся моя побѣда пущь.

Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
 Выше всѣхъ даровъ.

Пусть Герой свой блескъ сугубишь,
Ждешь безсмертія опликъ;
Милая меня коль любишь,
Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ;

И ея обѣщанья нѣжны

Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

LXXXVIII.

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Еспѣли бѣ милыя дѣвицы
Такъ могли лепашъ, какъ пшпицы,
И садились на сучкахъ:
Я желалъ бы бышь сучочкомъ,
Чпобы пысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣшь въпвяхъ.
Пусшь сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзды и свиспѣли,
Выводили и пшенцовъ;
Никогда бѣ я не сгибался, —
Вѣчно ими любовался,
Былъ щаспливѣй всѣхъ сучковъ.

На цвѣты съ цвѣшовъ лешая,
Въ полѣ бабочка живепъ;
Не шоскуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нихъ пьепъ:
Что щаспливѣ сей доли,
Какъ бы бабочкою быпъ,
На своей всегда жипъ волъ
И любви лишь сладоспъ пипъ?
Я бы пиль,—и вновъ влюбляясь,
Лишь въ весельи дни провѣлъ:
А съ духами сочепаясь,
Былъ неплѣнія символъ.

ХС.

КУЗНЕЧИКЪ.

Щаспливъ, золопой кузнечикъ,
 Чпо въ лѣсу куешь одинъ!
 На цвѣпочной сѣвъ лужечикъ,
 Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
 Всѣмъ любуюся на волъ,
 Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
 Взглянешъ лишъ на чпо ты въ полъ,
 Всѣмъ доволенъ, все съ тобой.
 Земледѣльцовъ по сосѣдству
 Не обидишь ты ничѣмъ;
 Ни къ чьему не льнешъ наслѣдству,
 Самъ богатъ собою всѣмъ.
 Пѣснопѣвецъ шепла лѣша!
 Аполлона нѣжный сынъ!
 Честный обшашель свѣша,
 Всѣми Музами любимъ!
 Вдохновенный гласомъ звонкимъ
 На земли ты знаменишь,
 Чпущъ живые и попомки:
 Ты философъ! ты Піипъ!

Чиспъ въ душѣ своей, не злобенъ,

Удивленіе пы намъ:

О! едва ли не подобенъ,—

Мой кузнечикъ,—пы Богамъ!

XCI.

Л Ю Б У Ш К Ъ.

Не хочу я бышь Пропеемъ,
Чтобы оборопнемъ спапъ;
Невидимкой, или змѣемъ,
Въ перемъ къ дѣвушкамъ лешапъ;
Но желаль бы я шихонько,
Безъ огласки опъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только
Бышь у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
Обращалася ко мнѣ,
Спаномъ, поспупью, уборомъ,
Любовалася во мнѣ.
Иль бы, сдѣлавшись водою,
Я ей шѣло омываль;
Вкругъ мониспой золопою
Руки блескомъ украшалъ;
Въ видѣ благовонной мази
Умашаль бы ей власы,
На грудяхъ въ цвѣпочной вязи
Ошѣняль ея красы.

Иль, обнявши бѣлу шею,
Быль жемчугъ ея драгой:
Спавъ хопъ обувью швоею,
Жалабъ пы меня ногой.

XСII.

С Т А Р И К Ъ.

Мнѣ дѣвушки шептали:
Ты спарь, и сѣдь и лысь;
Вопь зеркало, сказали:
Возьми и посмотришь.

Что нужды мнѣ, не знаю,
Я спарь, сказалъ, иль нѣтъ;
А только увѣряю,
Что я душой не сѣдь.

И старику нужнѣе
Въ веселіи поживъ,
Приходишь чѣмъ скорѣе
Меня похоронишь,

XIII.

П Л Ъ Н Н И К Ъ.

Опушавъ Леля Музы
Въ цвѣпочномъ пенешѣ,
Сперечь, повергши въ узы,
Вручили красомѣ.

Ужъ Лада ходишъ, просишъ,
Чшобъ ей сыскашъ его,
И выкупъ знапный носишъ
Съ собою за него.

Но плѣнника пусть долю
Хопъ выкупъ сей прервешъ,
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтешъ.

XCIV.

ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ.

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой шой порою,
Какъ заснула пишина,
Сребреной на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Вѣхаль на лучѣ верьхомъ,
И меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ полкнулъ крыломъ.
Ну, сказалъ онъ: на охоту
Ешьтели хочешь, такъ пойдѣмъ;
Мнѣ оставь спрѣляшь заботу,
Ты иди за мной съ мѣшкомъ.
Вспаль я,—и держась за спѣнку,
Шель на цыпкахъ, чупь дышаль,
За спиной онъ въ шулъ спрѣлку,
Палець на успахъ—держаль.

Тихой выпупкой такою
Мнилъ онъ лучше дичь найти:
Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ ищи.
Шли,—и только наклонялись
На гнѣздо молодыхъ куніцъ;
Молодежь вокругъ засмѣялись,
Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшись смертельно,
Камнемъ спалъ мой Купидонъ:
Я проснулся,—радъ безмѣрно,
Что то былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако споль живова
Голова моя полна;
Вижу въ мраморѣ шакова
Точно Купидона я.
Не шуши, имѣвъ грудь цѣлу,
Улыбаясь, онъ грозилъ:
Вмигъ изъ шула выну стрѣлу,
Слышу, будто говоришь.

XCV.

С В О Б О Д А.

Теплой осени дыханье,
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шепшанье,
Восклищанье голосовъ
Мнѣ лежащему въ долину
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя споящимъ
На высокомъ вдругъ холму,
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну;
И какъ будто въ важномъ чинѣ
Я носилъ на плечахъ холмъ.

Дальше:—Власпи мнѣ Свящыя
Иго по велѣли неспъ,
Всѣ вѣнцы суля земныя,
Тишла, золото и чеспъ.
Нѣшъ!—возспавъ опъ сна глубока,
Я сказалъ имъ: не хочу.

Не хочу моей свободы,
Совѣсть на мечты мѣняшь:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могушь колебашь.

Власъ тогда моя высока,
Коль я власи не ищу.

XCVI.

НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ.

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.
Но, опкуда ни возьмися,
Подбѣжалъ ко мнѣ дишя:
Дай свирѣлку, пошрудися,
Поучи, сказалъ шушя.
Опдалъ я ему свирѣлку,
Началъ онъ въ нее играшь;
Поигравъ, мнѣ кинулъ спрѣлку,
Спалъ я съ спрѣлкой той плясашъ;
И со спрѣлкой таковою
Шестьдесятъ ужъ лѣтъ пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь въ душѣ ношу.

XCVII.

МЩЕНІЕ.

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похишилъ сотъ,
И пчелой за то въ опмщенье
Былъ ужаленъ пущъ Эропъ.
Всепрепенувшись несчастный,
Крадены, сердясь, софы
Въ розовы уста, прекрасны,
Спряпаль юной красоты.
На, сказалъ: мои хищеньи
Ты для памяши возьми,
И опнынъ наслажденьи
Ты въ устахъ своихъ храни.
Съ шѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣлую лишь когда,
Сласъ и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя жаля услаждаешъ,
Какъ пчелиная спрѣла:
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
И, помя меня, мила.

XCVIII.

Ч Е Ч О Т К А.

На розу сѣвъ, уснула
 Чечопка подь цвѣшкомъ;
 Едва заря сверкнула
 Румянымъ огонькомъ,
 Проснулась, вспрепенулась.
 Жемчужинки лежатъ,
 Скорлупка развернулась:
 Вкругъ жолты крошки спятъ,
 Глядятъ и ожидають
 Каплъ сребреной росы,
 Что имъ съ лиспковъ спекають,
 Какъ солнечны красы.
 Самецъ, прижмась у вѣшки,
 Тихохонько глядишь.
 Ты милъ,—а больше дѣшки,
 Чечопка говоришь:
 Леши и попекися
 Сыскашь имъ червячковъ.
 Съ пѣхъ поръ, покой, проспися!
 Онъ рѣдко межъ цвѣшовъ.

РАЗПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА.

О цвѣтъ прекрасный, осыпаемъ
По ушпру перловой росой,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!
Открой скорѣй румянецъ твой.

Ахъ! нѣтъ,—помедль, еще не знаешь
Всѣхъ пварей плѣнныхъ ты щещы:
Въ топъ мигъ, какъ изъ пелень проглянешь,
Увы!—должна увянуть ты.

И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлоя?
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ,
Чтобъ всѣхъ прельстя, лишить покоя
И скоро поперять свой цвѣтъ?

Покинь же стебель твой опасный,
Укрась, о роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.

Царицей будь на ней опнынѣ;
 Украсивъ грудь,—умри на ней:
 Завидуя швоей судьбинѣ,
 Захочешъ смерти всякъ швоей.

О шакъ! немного дней продлится,
 Какъ будешь ты на ней блисшашъ:
 Благоуханьемъ огонь родится,
 По Хлоѣ будешь всякъ вздыхашъ.

Вздыхай!—плѣняй!—шебѣ Лель спрасшный
 Покажешъ скоро пущь.—Но знай:
 Увеселяя взоръ прекрасный
 Грудь украшай,—но сокрывай.

А ешъли наглою кто рукою
 Покой дерзнешъ швой возмушишъ:
 Вздохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
 Твоей сопернику опмспишъ.

*

С.

Ц Ъ П О Ч К А.

Послалъ я средь сего листочка
Изъ мѣлкихъ колець тонку нить,
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ
Обнять твою ей шею вкругъ:
Захочешь,—будетъ украшеньемъ;
Не хочешь,—спрячь ее въ сундукъ.

Иной вишь на тебя пакою
Наложить цѣпь, чшо—ахъ!—грузна:
Обдумай мысль сію просную,
Красавица!—и будь умна.

СІ.

В Ъ Е Р Ъ.

Когда бь владѣль я цѣлымъ міромъ,
Хотѣль бы вѣромъ симъ бытъ;
Всѣхъ прохлаждалъ бы я зефиромъ,
И былъ бы всей вселенной щипъ:—
А пы, махаясь, Хлоя, мною,
Опъ жара сильнаго дыша,
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ пѣнью хороша.

СІІ.

КЪ МАТЕРИ,
КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ
СВОИХЪ.

Иныхъ веселье убѣгаешь,
Съ побой оно живешь всегда:
Гдѣ разумъ съ красою блискаетъ,
Нескучно тамо никогда.

Являя благородны чувства,
Не судишь ты спрасей людскихъ;
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ,

Въ такомъ уединеніи скромномъ
Ты такъ доброшами блиспишь,
Какъ Ангелъ въ храмъ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

CIV.

СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА.

I.

Соломонъ (одинъ.)

Зима ужъ миновала,
Ни дождь, ни снѣгъ не йдешь;
Земля зеленой спала,
Синь воздухъ, лугъ цвѣшешъ.

Все взглядъ веселый мещешъ,
Жизнь новую все пьешъ;
Ливанъ по кедрамъ блещешъ,
На лиспяхъ липы медъ.

Ппицъ нѣжныхъ воздыханье
Несешся сквозь лисповъ;
Любовь ихъ, лобызанье
Вьешъ гнѣзда для пшенцовъ.

Шиповой запахъ съ луга
Дышаешъ ночь и день:—
Приди ко мнѣ, подруга,
Подъ благовонну шѣнь!

Приди плѣнишься плѣнѣмъ
 Небесъ, лѣсовъ, полей;
 Да слухомъ и видѣнѣмъ
 Вкушу красы швоей.

О! коль мнѣ швой пріятный
 Любезенъ тихій видъ:
 А паче, ароматный
 Какъ вздохъ ко мнѣ лепишъ.

II.

Ихъ перекликъ.

Суламита.

Скажи, о другъ души моей!
 Подъ коей миршой ты вишаешь?
 Какой забавишъ соловей?
 Гдѣ кедръ, подъ коимъ почишаешь?

Соломонъ.

Когда не знаешь ты сего,
 Паспушка милая, овечекъ
 Гони ты спада швоего
 На дворъ, чпо въ роцѣ между рѣчекъ.

Суламита.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ
 Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй?
 Чтوبъ не искашь межъ паспуховъ
 Тебя,—и пыбъ былъ мной доволенѣй.

Соломонъ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ воспоргъ
 Вдохнешь пы памъ своею красою;
 Введешь Царь дѣву въ свой черпогъ,
 Украсишь ризой золопою.

Суламита.

Мнѣ всякой домъ безъ друга пуспъ.
 Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ;
 Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ,
 Какъ виноградъ онъ крѣпокъ, силенъ.

Соломонъ.

Моей молодой подруги видъ
 Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

Суламита.

Какъ горликъ на меня онъ зришь,—
 Въ самой невинности всѣхъ спраспнѣй.

Соломонъ.

Она мила,—шѣниспый верьхъ
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонишъ.

Суламита.

Онъ милъ,—и намъ любовь гошовишъ
Въ правѣ душистой шѣму упѣхъ.

III.

Суламита (одна).

Сколь милый мой прекрасень!
Тамъ, шамъ вонъ ходишъ онъ.
Лицомъ,—какъ мѣсяць ясень;
Челомъ,—въ заряхъ Сіонъ.
Съ главы его спруяшся
Волнъ желтые власы;
Съ вѣнца, какъ съ солнца, зряшся
Блิสпающи красы.

Сколь милый мой прекрасень!
Взоръ пихъ,—какъ голубинъ;
Какъ арфа,—доброгласень;
Какъ огонь успа, какъ кринъ
Цвѣшущъ въ ланипахъ розы;
Пріятности въ черпахъ,
Какъ Май, прогнавъ морозы,
Смѣющся на холмахъ.

Сколь милый мой прекрасень!
 Тимпана звучный громъ
 Какъ съ гусями согласень,
 Такъ онъ со мной во всѣмъ.
 Но гдѣ мой другъ любезный?
 Гдѣ сердца моего
 Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
 Сыщите мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасень!
 Пошелъ онъ въ садъ цвѣшовъ:
 Но вечеръ ужъ ненасенъ,
 Рвешъ розы знашь съ кустовъ,
 Ахъ! нѣтъ со мной,—ищите,
 Всѣ кличьте вы его,
 Мнѣ душу возвращите;—
 Умру я безъ него.

IV.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ.)

Положимъ на души печашь,
 Въ сердцахъ союзомъ ушвердимся,
 Другъ друга будемъ обожасть,
 Въ любви своей не премѣнимся.

Хоръ дѣвъ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ.)

Лишь ревность намъ страшна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ.)

Вода не можетъ угасить
Взаимна пламени любви,
Имѣніемъ не лзя купить
Волненья сладостнаго крови.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣспѣ.)

Лишь ревность намъ спрашна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

CV.

С А Ф Ы

ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ.

Щасливъ! подобися въ блаженствѣ пошъ
 Богамъ,

Кто близъ тебя сидишь и по тебѣ вздыхаешь,
 Съ тобой бесѣдуешь, тебѣ внимаешь самъ,
 И сладкою твоей улыбкой тайно шаешь.

Я чувствую въ пошъ мигъ, когда тебя съ нимъ зрю,
 Тончайшій огонь и мразъ, изъ жилъ пекущій въ жилы;
 Въ восторгахъ сладостныхъ вся мѣю, вся горю,
 Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы.

Густая темна мгла мой взоръ объемлетъ вкругъ,
 Не слышу ничего, не вижу и не знаю:
 Въ оцѣпененіи едва дышу,—и вдругъ,
 Лишенная чувствъ, дрожу, блѣднѣю,—умираю.

CVI.

П Е Н И.

Доспигнуль страшный слухъ ко мнѣ,
 Что спалъ ты лживъ и лицемеренъ;
 Въ твоей опеческой спранѣ,
 О льстецъ! мнѣ сдѣлался невѣренъ.
 Тѣ нежности, копоры мнѣ
 Являлъ любви твоей въ огнѣ,
 Во спраси новой погружаешь;
 О мнѣ не мнишь, не говоришь,
 Другой любовь свою даришь,
 Меня совсѣмъ позабываешь.

* * *

Тѣ рѣчи, тѣ слова въ ушахъ,
 Меня копорыя ласкали;
 Тѣ тайны взгляды во очахъ,
 Копорыя меня искали;
 Тѣ вздохи пламенной любви,
 Тѣ нежны чувствія въ крови;
 То сердце, что меня любило;
 Душа, копорая жила,
 Чтобъ я душой ея была:
 Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило!

Кого жъ на свѣпѣ почипашъ
 За справедливаго возможно,
 Когда и ты ужъ увѣряшъ
 Меня не поспыдился ложно?
 Ты Богъ мой былъ, ты кляпву далъ,
 Ты нынѣ кляпву шу попралъ.—
 О льспецъ! въ злыхъ хипроспяхъ опмѣнной!
 Но нѣпъ,—не кляпвѣ сей
 Я вѣрила, —душѣ швоей,
 Судивши по своей влюбленной.

Къ нещаспю пому, что мнѣ
 Ты спалъ полико вѣроломень,
 Любви неисповой въ огнѣ,
 Я слышу, до того нескромень,
 Что кляпвы, славу, чеспъ,
 На жерпву не спрашасъ принеспъ,
 Все—говоряшъ—сказалъ подробно,
 Какъ мной любимъ ты спраспно былъ.—
 Любя, любви кпо измѣнилъ,
 Въ помъ сердце все на злоспъ способно.

А кто одинъ хоть только разъ
 Безсовѣстенъ бытъ смѣлъ душею,
 Тотъ всякой день, тотъ всякой часъ
 Бытъ можетъ вѣчно вреденъ ею.
 Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ!—
 Ахъ нѣтъ!—Средь самыхъ тѣхъ минутъ,
 Когда тебя я ненавижу,
 Когда побою скорбь перплю,
 Съ побой я твой порокъ люблю,
 Въ тебѣ еще все прелестъ вижу.

Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ проспылъ,
 Когда тебѣ угодно спало,
 Чтobъ сердце, кое ты любилъ,
 Тебя ужъ больше не прельщало:
 Такъ въ тѣ мнѣ скучные часы,
 Какъ зришь ужъ не во мнѣ красы,
 Не мнѣ пріятнoстѣми лаская,
 Сидишь съ прелестницей своей:
 Опраду дай душѣ моей,
 Меня хоть въ мысляхъ вображая.

Представь уста,—опкодь любовь
 Любовными пы пиль устами;
 Представь глаза,—мигъ каждый вновъ
 Опкодь мой жаръ пы зрѣль очами;
 Вообрази пошъ видъ лица,
 Чшо всѣхъ шебъ Царей вѣнца
 И всей пріятнѣй былъ вселенной.—
 Ахъ! видъ, пошъ видъ уже не сей:
 Лишенная любви швоей,
 Я зрю себя всего лишенной.

* * *

Жалѣй о мнѣ,—и за любовь
 Оспавленной швоей любезной,
 Прошу, не проливай пы кровь,
 Одной пожертвуй каплей слезной,
 Поплачь и попужи спеня.
 Иль хощь обманывай меня,
 Скажи: чшо пы нелицемѣренъ,
 Скажи,—и прекрапи злой слухъ.
 Дражайшій мой любовникъ, другъ!
 Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

*

Н Е В Ъ С Т Ъ.

Хотѣлъ бы похвалишь, но чѣмъ начашъ, не знаю.
Какъ роза ты нѣжна, какъ Ангель, хороша;
Пріятна,—какъ Любовь; любезна,—какъ Душа;
Ты лучше всѣхъ похваль;—себя я обожаю.

Нарядомъ мняшъ придашъ красавицѣ пріятство.
Но лѣзля алмазами милѣй бышъ дурношъ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной проспошъ:—
Теряешъ на себѣ сіяніе богашство.

Лилеи на холмахъ груди швоей блискающъ,
Зефиры крошкіе во нравъ себѣ даны,
Долинки на щекахъ;—улыбки зарь, —весны;
На розахъ усшъ швоихъ—сопы благоухающъ.

Какъ по челу власы ты рассыпаешъ черны,
Румяная заря глядишъ изъ темныхъ пучъ;
И поншъ какъ голубой пронзаешъ звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину провидишъ взглядъ швой
скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рая!

Какъ щасливъ смертный, кто съ побой прово-
дитъ время!

Щасливѣ того, кто нравишься тебѣ.

Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда злыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

CVIII.

ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУГОЙ.

Что начашь во ушѣшенье
Безъ возлюбленной моей?
Сердце! бодрствуй въ сокрушеньѣ,
Я увижусь скоро съ ней;
Мнѣ любезная предспанешъ
Въ прежней нѣжности своей,
И внимаешь, какъ прежде, спанешъ
Нѣжности она моей.
Сколько будешь разговоровъ!
Сколько радостей прямыхъ!
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ,
Лучше и ушѣхъ самихъ!
Укропися же спихія,
Подспелися пушь спопамъ;
Для жены моей младыя
Должно быть послушнымъ вамъ.
Такъ, свирѣпыми волнами
Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ на вѣкъ шумѣшь со льдами,—
Съ нею вѣченъ мой союзъ.

Не спрашился бѣ я ввергаться
Въ волны яры для нея:
Но на вѣки съ ней разспахься,
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь ушѣхи и покою!
Возвращись опять ко мнѣ;
Жишъ съ полъ милою женою
Рай во всякой споронѣ;
Тамъ веселіа сердечны,
Сладки, нѣжны чувспвы шамъ;
Тамъ блаженспвы безконечны,
Лишь приличныя Богамъ.

СІХ.

Д Ъ Т Я М Ъ

НА КОМЕДИЮ ИХЪ И МАСКЕРАДЪ.

Являлъ недавно сладкій сонъ
Пенея мнѣ долину злачну,
Я зрѣлъ сквозь дебрь древесъ прозрачну:
Игралъ на скрыпкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эроповъ шьма,
Всѣ душки, всѣ краснощоки,
Крылапы, бѣлы, чернооки,
И Нимфъ прекрасныхъ куперьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ,
И всѣ, рѣзвясь, вершѣлись кругомъ,
Въ воспоргѣ былъ я зря на нихъ!
Хошѣлъ, чпобъ сихъ любви божковъ,
Харипъ шоль милыхъ видѣшь въ явѣ:
Но чпо?—Въ швоей проспой забавѣ
Съ семьей швоей,—я зрю ихъ, Львовъ.

СХ.

НА БАЛЕТЪ

Зефиръ и Флора.

Что за призраки прелестны,
 Легки, свѣплы существа,
 Сонмъ эѳирный, сонмъ небесный,
 Тѣни, лица Божества,
 Въ неописанномъ воспоргѣ
 Мой лелѣюшъ, нѣжапъ духъ?
 Не Боговъ ли я въ черпогѣ?—
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Вижу холмъ подъ облаками
 Озлащаемый лучемъ,
 Осѣняемый древами,
 Ожурчаемый ключемъ;
 Средь сребристыхъ водъ и брегу
 Лебедей, дѣшей зрю вдругъ;
 Вижу всю Эдемску нѣгу.—
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Слышу: дышетъ повсемѣстно,
 Порхаешъ вкругъ розъ Зефиръ,
 Улыбаешся прелестно
 Красота отъ звуковъ лиръ;
 Душъ невинныхъ разговоры
 Какъ гармонія вкругъ,
 Какъ зари ихъ свѣпяшъ взоры.—
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ,
 Спитъ нахмурясь бранный жаръ;
 Миръ, объемляся съ спокойствомъ,
 Пьютъ божественный нектаръ;
 Духи вверху и внизъ шурмуютъ,
 Хороводы выюся вкругъ,
 Съ дружбою любовь ликуютъ.—
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Правъ ты, что воображеньемъ
 Могъ сихъ шайнствъ доходишь,
 Что мы плохи съ опроверженьемъ
 Будемъ съ Ангелами жить.
 Ахъ! коль ложно это чувство,
 Нашъ безсиленъ, смертенъ духъ:
 Не творилобъ дивъ искусство.—
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не моглибъ мы возвышашься
И къ поняшю духовъ,
Ихъ блаженствомъ упѣшашься
На земли, средь облаковъ;
Днесъ ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ:
Будемъ, будемъ мы Богами!
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

СХІ.

МОИ ГРАЦІИ.

Се дѣвы милыя, чпо мой склоняютьъ духъ
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспишаньемъ;
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая крошкихъ чувствъ и въ робости любима,
Плѣняешь прешія огнемъ своихъ очей:
Ошъ Ангеловъ спрѣла неизбѣжима.

Злашое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
Бывъ долженъ подаришь,—я бѣ раздѣлилъ на часпи.
Иль старшая возьми,—увѣренъ, чпо однихъ
Ревнивыхъ склонень духъ опмщенья къ спраспи.

Взоръ Лизы, какъ эеиръ:—свѣшла ея душа.
Взоръ Вѣры, Паши чорнъ, какъ скромна ночь съ
звѣздами.

Амуръ и Гименей! бѣгиге къ нимъ спѣша:
Пріятности во вѣкъ жищъ будущъ съ вами.

СХІІ.

БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ.

Блаженна та жена, копорая изъ круга
Уклоньшисъ роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сеспры, въ обѣяннѣ супруга,
Проводишь въ тишинѣ благословенны дни!
Подъ свѣромъ сѣдымъ нимразъ, ни вихрь, ни вьюга
Не ужасають ихъ; но, лиліямъ они
Подобно сплешшимся среди тѣниста луга,
Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
Не въ силахъ возмутишь спокойства ихъ шумъ
града,
Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада:
Но бывъ довольными онѣ своей судьбой,
Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада;
Но совѣсть чистая и небо имъ награда.
Почтенная Ш....! Ты зришь здѣсь образъ свой.

СХІІІ.

Л У Ч Ъ.

Князь - Громъ имѣль Умилу,
Прекрасну, нѣжну дочь
Очей прелесныхъ силу
Кто зрѣлъ, плѣлъ день и ночь.
У этого жъ Князь - Грома
Быль щипоносець Лучь. —
Съ геройспвомъ грудь знакома
Не ужасалась пучь;
Ко Князю онъ услужень,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
И Князь ему пожъ дружень,
Его за сына чпиль.

Сосѣдъ тогда Княжною
Плѣнился Вѣперъ-Ханъ,
Съ влюбленною душою
Просперъ ко браку длань.
Нужна была Князь - Грому
Сосѣда Вѣпра мочь,
Любовнику шакому
И обѣщаль онъ дочь.

Не лѣзя было шунѣ силѣ
Прошивишья никакъ:
Пришло сказаць Умилѣ,
Хоть не по сердцу,—шакъ!

Души волненья спраспной
Не могъ шунѣ Лучъ сносишь,
За сердце онъ прекрасной
Умилы хочешъ мспишь.
Но въ рыцари какъ небомъ
Онъ не былъ посвященъ,
Сражапья Вѣпра съ ревомъ
Природой нерожденъ:
То чшобъ опцу любезной
Ничѣмъ не согрубишь,
Рѣшился огнь свой нѣжной
Въ шуманяхъ, въ мракахъ, скрышь.

CXIV.

П Р И З Н А Н І Е.

Не умѣлъ я припворяться,
На святаго походишь,
Важнымъ саномъ надуваешься
И философа брашь видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравишься лишь имъ,
Умъ и сердце человѣчье
Были Геніемъ моимъ.
Есѣли я блискалъ воспоргомъ,
Съ спрунъ моихъ огонь лепѣлъ:
Не собою блискалъ я,—Богомъ;
Внѣ себя я Бога пѣлъ.
Есѣли звуки посвящались
Лиры моея Царямъ:
Добродѣтельницами казались
Мнѣ они равны Богамъ.
Есѣли за побѣды громки
Я вѣнцы сплещалъ вождямъ:
Думалъ перелишь въ попомки
Души ихъ я ихъ дѣшамъ.

Естьли гдѣ вельможамъ власнымъ
Смѣль я правду брякнуть въ слухъ:
Мнилъ бытъ сердцемъ безприспраснымъ
Имъ, Царю, опчизнѣ другъ.
Естьлижъ я и суешою
Самъ былъ свѣта обольщенъ :
Признаюся, красотою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
Словомъ: жегъ любви колъ пламень ,
Падалъ я, вспаваль въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ! на гробъ мой камень,
Естьли ты не человѣкъ.

ПЛАЧЬ ЦАРИЦЫ.

Развернулаеь лишъ лилея
И на солнце спала зрѣшь,
Улыбнулася, алѣя,
Только роза, — ссѣкла смерть.
Будпо мраморна Царица
На супружной выѣ зришца.
Спонешъ маперь, спонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Плачетъ добрая Царица,
Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
Какъ роса огнемъ спруишца
На ланипахъ капля слезъ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Спонешъ маперь, спонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Въ одиночествѣ, въ разлукѣ,
 Какъ супруга нѣшь со мной,
 Кто мнѣ въ горести и скукѣ
 Собесѣдникъ будешь мой?
 Чей мнѣ взоръ и лепешанье
 Вспомнишь Ангеловъ вишанье? —
 Спонешь маперь, спонешь свѣшь:
 Нѣшь, ахъ! Лизы, Лизы нѣшь!

Кто Царя во дни унывны
 Взглядомъ милымъ озаришь;
 Руки распроспря невинны,
 Взявъ на лоно приманишь?
 Ахъ! кто бранному Герою
 Дѣшской чesъ опдасъ игрою?
 Спонешь маперь, спонешь свѣшь:
 Нѣшь, ахъ! Лизы, Лизы нѣшь!

Тяжко бремя кто короны
 Будешь нашей облегчать?
 Подъ порфирой духа споны
 Упованьемъ услаждать?
 Безъ надежды наслажденья
 Цѣлый свѣшь не награжденье.
 Спонешь маперь, спонешь свѣшь:
 Нѣшь, ахъ! Лизы, Лизы нѣшь!

Прочь и скипетръ и держава
И блестящій дворскій сонмъ!
Суеша и Царска слава,
Естьли смерть грозить серпомъ.
Такъ Царица возглашала
И ушѣхамъ не внимала.
Спонешъ маперъ, спонешъ свѣшъ:
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Но межъ ей и межъ супруга
Сстоя плачуца, Любовь
Лобызаніемъ другъ друга
Уполяетъ смущну кровь.
Весь народъ, имъ благъ радѣя,
Проситъ: крошкая лилея!
Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

CXVI.

ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ.

ПАЛЕМОНЪ.

Среди плешеня, шиповыя ограды,
 Подъ шѣнью липъ, дубовъ,
 Между сиренгъ и розовыхъ кустовъ
 Домъ благодашняя, неблазня Добрады,
 Богини всякаго добра,
 Царицы шѣмы щедрошъ,
 Въ полугорѣ споишъ, и вдалѣ чрезъ доль съ высошъ
 Блеспишъ изъ мрамора сполпами;
 А передъ ними, какъ сребра,
 Съ усшупами гора,
 Шумящій водоскашъ, жемчужными спруями
 Сверкая, сыплешся въ рѣку,
 И прогоняешъ дѣвъ задумчивыхъ поску. —
 Здѣсь возвышаешся олшаръ Творцу вселенной
 И обелисковъ рядъ несешся къ небесамъ,
 Царямъ,
 Вождямъ,
 Друзьямъ,
 Вкругъ благовоніемъ вседневно окуренной;

А шуть пестрѣюща различныя цвѣты
 Для вящей сада красоты
 Въ узорчатыхъ грядахъ,
 Какъ будто на коврахъ,
 Между извивистыхъ, златыхъ шропинъ песча-
 ныхъ,
 По коимъ ходишь ликъ небесныхъ Валкъ избран-
 ныхъ.

На мѣстѣ семъ
 Добрада въ обществѣ своемъ,
 Во сельской простотѣ, но божеству приличной,
 Во знойный день,
 Въ вечерній часъ обычной,
 Подъ солнцемъ роши какъ кидають длинну тѣнь,
 И опъ очей за нимъ черепокожна чуда,
 Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни опкуда,
 Алѣющъ воды, горы и лѣса
 И въ золотѣ горящъ багряномъ небеса;
 Шумъ шварей пише спановишся
 И легкій порхаешъ Зефиръ,
 Рой насѣкомыхъ чуть вдали жужжа толпишся
 И клонишся къ дремотѣ міръ,
 Возсѣдши на скамѣ муравчатой, дернистой,
 Богиня воздухъ черплешъ чистой
 И смотришь на свои упущенны спада,
 Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины.
 Иль зришь средь озера спекляныя равнины,
 Какъ тихо шинешся за лебедемъ бразда;

Иль слушаетъ, склонясь, иреливисшя прели,
 Какъ изъ-за роши къ ней
 Доходятъ голоса паспушеской свирѣли;
 Иль громкой соловей
 Какъ торжесиво своей
 Любови спраспной воспѣваетъ,
 Оспрывисто звучишь,
 За громомъ громъ капишь
 И всю себя внимаешь природу заспавляетъ;
 Попомъ же, ушомясь,
 Свой пише, пише гласъ
 Какъ бы спепенно низпускаешь,
 И сладоспно спеня, въ воспортѣ умолкаетъ.
 А иногда молву
 Вкругъ слышишь по лѣсамъ Богиня ппиць без-
 гнѣздныхъ,
 Какъ чадъ своихъ любезныхъ,
 Онѣ къ себѣ зовушь: ау, ау, ау!
 Опъ скучныхъ споновъ сихъ склоня свою главу,
 Подъ часъ задумчиво сидишь,
 Молчишь;
 А эхо пожъ: ау, ау!
 Безперерывно повпоряешь,
 Добрадѣ сердце раздираешь.
 Она вздыхаетъ,
 Токъ слезный проливаетъ,
 И бывши бѣдспвія и Лизу воспоминаешь,

Чпо въ Майскій свѣплый, юный день
 Недавно скрылася во смерсну шѣнь,
 Ее, опца и машь оставивши въ печали;
 Или грустишь,
 Печальный кажешъ видъ,
 Ошсущственну изъ дали
 Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждешъ
 И заунывну пѣснь такъ про себя поешъ:

А р і я.

Богиней я слыву,
 Не йдушъ забошы прочь;
 Тебя къ себѣ зову,
 Приди, любезна дочь!
 Ау, ау, ау!

Весна цвѣшишь праву,
 Зимы изчезла мочь,
 Тебя къ себѣ зову,
 Приди, любезна дочь!
 Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ шаковыхъ умильныхъ насла-
 дишся,
 Объемлешъ на одрѣ Богиню сладкій сонъ:
 А Дажбогъ, сшедъ съ небесъ, къ ней спражемъ
 спановишся

И осѣняешъ звѣздъ щипомъ.
 Валкала ликъ погда подъ арфой пихоспрунной,

Какъ шепчущій камышъ морской, или ручей
 Въ вѣтренноватый часъ, часъ лунной,
 Отвсюду ей
 Во слухъ гармонію ліешъ,
 Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведешъ.

Х о р ь.

О духи всемірны!
 Крылѣ вы эѣирны
 Просприше надъ ней;
 Спруися ручей
 Дремоны пріятной!
 Душѣ благодашной
 Чистой во всеѣмъ,
 Зрися рай сномъ.

д а ф н и с ь.

Надъ злчнымъ садомъ симъ Добрады
 Воспока днесъ злашила дверь:
 Ужъ не предвѣстье ль то опрады?
 Не возвращишся ли къ ней дщерь
 Изъ дальнихъ чуждыхъ странъ, изъ обласпи
 супруга?
 Не скажешь ли о томъ что, Палемонъ, намъ шы?

д а ф н а.

Я, я скажу: моя подруга,
 Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣшы

На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплешала,
 Тихонько на ушко,
 Чѣшобъ не подслушалъ кшо,
 Мнѣ такъ шепшала:

„Сего дня праздникъ у Добрады,

„Пріѣхала къ ней дочь.,,

Я вмигъ украдкой прочь

Убѣгла опъ сесперъ,

Чѣшобы и мнѣ, въ ея примѣръ,

Украшишь мой нарядъ, и въ день такой прі-
 яшнѣй,

Толь свѣшлый, милый, благодатный,

Усердья мѣего всѣхъ больше покажашь.

Какъ будешь Дочь и Машь

Себя взаимно обнимаешь

И сладку межъ собой семейну жизнь вкушашь!

д а ф н и с ъ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостья ожиданна?

О радость сердцу несказанна!

О душъ ей преданныхъ воспоргъ!

Здорову ли ее принесть обратно Богъ?

Цвѣшешъ ли красота ея, цвѣла какъ прежде,

И вѣчно чѣшобъ съ ней жишь, бышь можемъ ли
 въ надеждѣ?

п а л е м о н ъ.

Какъ на опечесшво свое она глядишь,

На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ
говоришь

Своимъ ли языкомъ?

Д А Ф Н И С Ъ.

Спросила ли о комъ?

Узнала ли друзей, и шѣ мѣста природны,
Гдѣ развивались красы порфирородны
И улыбалась въ ней младенческа душа?

Д А Ф Н А.

Все такъ же хороша.

Не разнился нивъ чемъ весеннихъ дней съ зарею.
Съ среднею своею и младшею сеспрою
Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ,
Всечасно мать лобзаетъ:

А мать ее

Объемлешь, къ сердцу прижимаешь,
И на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываешь.

Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ
И вокругъ торжественно сіяньемъ все бле-
спишь.

Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлещающъ
Сверкая перьемъ, чешуёй;
Повсюду, словомъ, все воспоргъ являешь свой.

Прекрасны дѣвы короводомъ
И пляшущъ и поющъ, ся живяся взоромъ.

А р і я.

О! какъ обителъ
Добрады цвѣтешъ!
Всякой въ ней жителъ
Блаженно живешъ;
Щасливо, пріятно,
Зришь какъ обратно
Прибывшу къ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь теперъ!

П А Л Е М О Н Ъ.

И о житѣ она своемъ
За придевашъ земель, заморскомъ, рассказала
Тебѣ и всѣмъ?

Д А Ф Н А.

Подробно все съ начала
И даже до конца,
Какъ встрѣчена была опъ машери, опца
Супруга своего, и опъ всего народа;
И какъ опъ коровода
Всѣхъ тамошнихъ, какихъ-шо, Музъ
По тамошнему пѣшъ ей былъ усердный Гимнъ.
Я вышвердишъ его успѣла на изусшъ,
И языкомъ своимъ —

Коль Дафнисъ согласишся
 Со мною пошудишься,
 Всѣмъ сердцемъ порадишь —
 То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

д а ф н и с ъ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану
 И впоюшь стану.

Д у э т ъ. (*)

д а ф н а и д а ф н и с ъ.

„Вейся, вейся, вѣшвь цвѣшуща,
 „Блескъ злашымъ вѣнцомъ дающа,
 „Изъ чужаго небосклона
 „Пренесенна къ намъ на лоно,
 „И съ сладчайшими плодами
 „Зеленѣй всегда листьями!,,

Т р і о.

п а л е м о н ъ, д а ф н и с ъ и д а ф н а.

„Вейся, вейся, вѣшвь цвѣшуща,
 „Къ небесамъ главу несуща!
 „И дни бурные зимою
 „Не касайшесь къ ней косою!,,

(*) Дуэтъ сей и Тріо переводъ съ Шиллера.

ПАЛЕМОНЫ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народъ:
 То спыдно будешь намъ,
 Коль въ собственномъ своемъ опечесствѣ и родѣ
 Мы воли не дадимъ сердцамъ;
 И чувствъ своихъ къ опрадѣ,
 Сего дня торжества не изъявимъ Добрадѣ.
 Поди, о Дафнисъ! поскорѣй,
 И предъ олтарь ты къ ней
 Сзови всѣхъ пасхуговъ съ селеніевъ окружныхъ,
 Учасниковъ ея щедрошъ,
 Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
 Пускай и весь народъ
 За здравіе Добрады,
 За всѣхъ ея родныхъ
 Творцу моленье льѣшь,
 И восхищенныхъ чувствъ своихъ
 Являєшь радость и прохлады.

Молитва Народа.

О Боже! зри
 Мольбы сердечны,
 Съ вышины проспри
 Дни щасстья вѣчны,
 И всякихъ золь
 Избавь Добраду;

Царя, прешоль
Прими въ ограду,
И насъ храни,
Дай свѣтлы дни.

Хоръ Сиротъ.

Ты опъ смерши воскресила
И изъ праха насъ взяла,
Воспишала, вскормила,
Просвѣщеніе дала.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Сирыхъ благодарность зри.

Хоръ Дѣвицъ.

Ты нашъ разумъ озарила
И украсила нашъ нравъ,
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ спавъ.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Дѣвъ днесъ благодарность зри.

Хоръ Вдовъ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровада намъ покой,

Жизнь нещасїну прекрашила
 Щедрою швоей рукой.
 О Добрада благодашна!
 Коль жизнь подданныхъ прїяшна,
 Гдѣ такъ царшвуютъ Цари!
 Вдовъ днесь благодарностъ зри.

Хоръ Ремесль.

Ты искусствомъ надѣлила,
 Намъ познанїя дала:
 Прясъ и шкашъ насъ научила,
 Пользу общую ввела.
 О Добрада благодашна!
 Коль жизнь подданныхъ прїяшна,
 Гдѣ такъ царшвуютъ Цари!
 Музъ днесь благодарностъ зри.

Хоръ овщїй.

Ты намъ милоспи являєшь
 И щедрошами даришь;
 Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
 По достоинспвамъ насъ чпишь.
 О Добрада благодашна!
 Коль жизнь подданныхъ прїяшна,
 Гдѣ такъ царшвуютъ Цари!
 Общу благодарностъ зри.

ПАЛЕМОНЪ.

Но зрише, какъ сія божеспвенна Царица,
Скромна, и все добро лишь для добра пворишь.
Хопя сіяешь всѣмъ, какъ бы небесъ зарница:
Но взоръ прозрачная шончица (*)
Ея, какъ легкій облакъ, шмишь,
Когда ей аромашъ съ полсвѣша душъ горишь.

(*) Тонкое покрывало.

ПОМИНКИ.

Побѣдишельница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣшь
Красоты побѣдъ несмысленныхъ,
Поразила Майну — смерть.
Возрыдали вокругъ Эропы,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны нощи,
Пѣли гимнъ ей, — и моя
Горестъ повпоряла лира.
Убѣжала радость прочь,
Прелести сокрылись міра,
Тишина и черна ночь
Скупали мой домъ въ запоны.
Опъ земли и опъ небесъ
Слышны эха только споны;
Плачемъ мы, — и плачешь лѣсъ;
Воемъ мы, — и воюешь горы.

Плачь сей былъ бы безъ конца,
Есѣли бѣ алыи лучъ Авроры,
Богъ, что свѣпипъ Музъ въ сердца,
Не предспаль, и мнѣ сіяньемъ
Не вліялъ ушѣхи въ грудь.
„Помяни, рекъ, возліяньемъ
„Доблесѣ,—и покоенъ будъ.,,
Взялъ я урну и росами
Чиспыми, будпо криспаль,
Полну напочилъ слезами,
Гробъ обливъ, поцѣловаль.—
И изъ праха возникаюпъ
Се при розы, сплешисъ въ куспъ,
Веселяпъ, благоухаюпъ,
Разгоняюпъ мрачну груспъ.

СХVІІІ.

А Л Ь Б А У М Ъ.

Когда земны оставишь Царствы,
 Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
 Харонъ вопросишь, иль мытарствы,
 Изъ жизни, подорожной, сей:
 Поэтовъ можешь одобренья
 Въ альбаумъ швоемъ явишь,
 Духамъ отдавъ ихъ для проченья,
 Пашпортъ швой ими замѣнишь.
 По нихъ тебя узнаюшь шѣни,
 Кто ты, и въ свѣтѣ какъ жила;
 Твои всѣ чувствы, помышленьи
 Разкроюся, какъ солнцемъ мгла.
 Тогда ты можешь оправдаться,
 И ахъ!— иль обвиненной бышь,
 Въ пушь правый, лѣвый провождаешься,
 Святой, иль окаянной слышь.
 Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово
 Сей книги записной въ лиспахъ
 Духовно примушь шѣло ново
 И обличаешь себя въ дѣлахъ
 Во всѣхъ часахъ швоихъ, мгновеньяхъ;
 Ты станешь на судъ нагой,
 Въ поступкахъ, мысляхъ и движеняхъ
 Мракъ самый будешь послухъ швой.
 Поэтъ, тебя превозносившій

Прямымъ заговорить лицомъ ,
 Порокъ, иль добродѣтель чпившей
 Своимъ возопіенъ листомъ.
 Листъ желтый, на примѣрь: — надменность
 Явить, что гордо ты жила;
 На синемъ, — скупость вскрикнешъ, ревность,
 Что ты соперницъ врагъ была;
 На сребrenomъ, — всрубить богатство,
 Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ ;
 На темномъ, — зашипишь лукавство,
 Что въ грудь вилась друзьямъ твоимъ ;
 На аломъ, — засмѣется радость,
 Что весело любила жить;
 На розовомъ, — возпляшешь младость,
 Что съ ней хопѣла вѣкъ свой длишь;
 На глянцованомъ, — самолюбье
 Улыбкою своей дастъ знать ,
 Что было зеркало орудье
 Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
 Надежда на листкахъ зеленыхъ
 Шепнешъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
 На сѣренькихъ листкахъ, смиренныхъ
 Печаль завоешь во слезахъ.
 Но Геній, благъ твоихъ свидѣтель,
 На бѣлыхъ листьяхъ въ блескъ словъ
 Покажетъ вѣру, добродѣтель
 И безпорочную любовь.

ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ.

Когда дѣлящая часы небесъ планета,
Къ намъ возвращаяся, приходишь жить съ шель-
цомъ :

Отъ пламенныхъ роговъ щедроша льется свѣта,
Миръ облакается и блескомъ и тепломъ.

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами доль пещиришь и кроешь лакомъ холмъ;
Но и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,
Плодошворишельнымъ чреватѣешь лучомъ,
И сими насъ даришь, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,
И помыслы родишь, и слова любовны: —
Но ахъ! они къ тебѣ koliko ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живаль я никогда веснѣ.

СХХ.

ПРОГУЛКА.

Находясь съ такимъ въ природѣ твари
зрѣньемъ,
Что быстро свой вносите на солнце могутъ
взоръ :

Но суть и шѣ, кому лучъ вреденъ удареньемъ;
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вождельньемъ
И на огонь лепяшъ, красота въ немъ зря соборъ:
Но лишь касающа, сгарающъ мановеньемъ.
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!

Безсилень будучи сносишь лучи свѣшила,
Которымъ я прельщенъ; ни шѣни, коя бѣ скрыла
Меня гдѣ опъ него, ни мѣста, я не зрю:
Но съ пошупленными, слезящими очами
Влекусь чрезъ силу зрѣшь на солнце межъ женами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хощь ею и сгорю.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу, и мѣрю пустыхъ пространствъ мѣстъ;
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на песокъ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людьми
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставишь свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золь внутреннихъ печаль на взорахъ всякой
члелъ.

И мнишь, мнѣ кричашъ долины, рѣки, холмы:
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствіа жегомы,
И опъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываешъ
мой:

Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ,
дальныхъ,
Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовать со мной.

СХХІІ.

В О Д О М Е Т Ъ.

Лучь шумящій, водомешный ,
Свыше сыплюща роса!
Гдѣ въ пѣни въ день знойный, лѣпнѣй,
Совершенная краса ,
Разкидавъ по дерну члены ,
И сквозясь межъ спруй, вѣшвей,
Сномъ обьяша, въ видѣ пѣны,
Взглядъ влекла души моей;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарь ихъ розы успѣ касались
И желали къ нимъ прильнушь;
Воздухъ свѣжестью своею
Ей спѣшилъ благоуханъ;
Травки, смятая подъ нею,
Не хотѣли воспаванъ;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ ,
Съ коихъ спрѣлы огневые
Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.

О мѣста, мѣста священны !
Хоть лишень я васъ судьбой ;
Но прелестны вы , волшебны ,
И столь милы мнѣ собой ,
Что поднесъ о васъ вздыхаю
И забышь никакъ не могъ ,
Съ жалобой наминаю :
Мой послѣдній слышите вздохъ .

СХХІІІ.

ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ,
Подъ жаркимъ, свѣплымъ небосклономъ,
Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.

Хариты вокругъ его, Эропы,
Съ брапиною злапою Вакхъ,
Вафилъ прекрасный, въ рощи, гропы
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся,
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной,
На бѣлы груди любовался,
На взоръ мешалъ ихъ пламень свой.

Или, возлегши раменами
 На мягки розы, опдыхалъ;
 Огниспыми склонясь усьями,
 Изъ кубка медъ злапый вкушалъ.

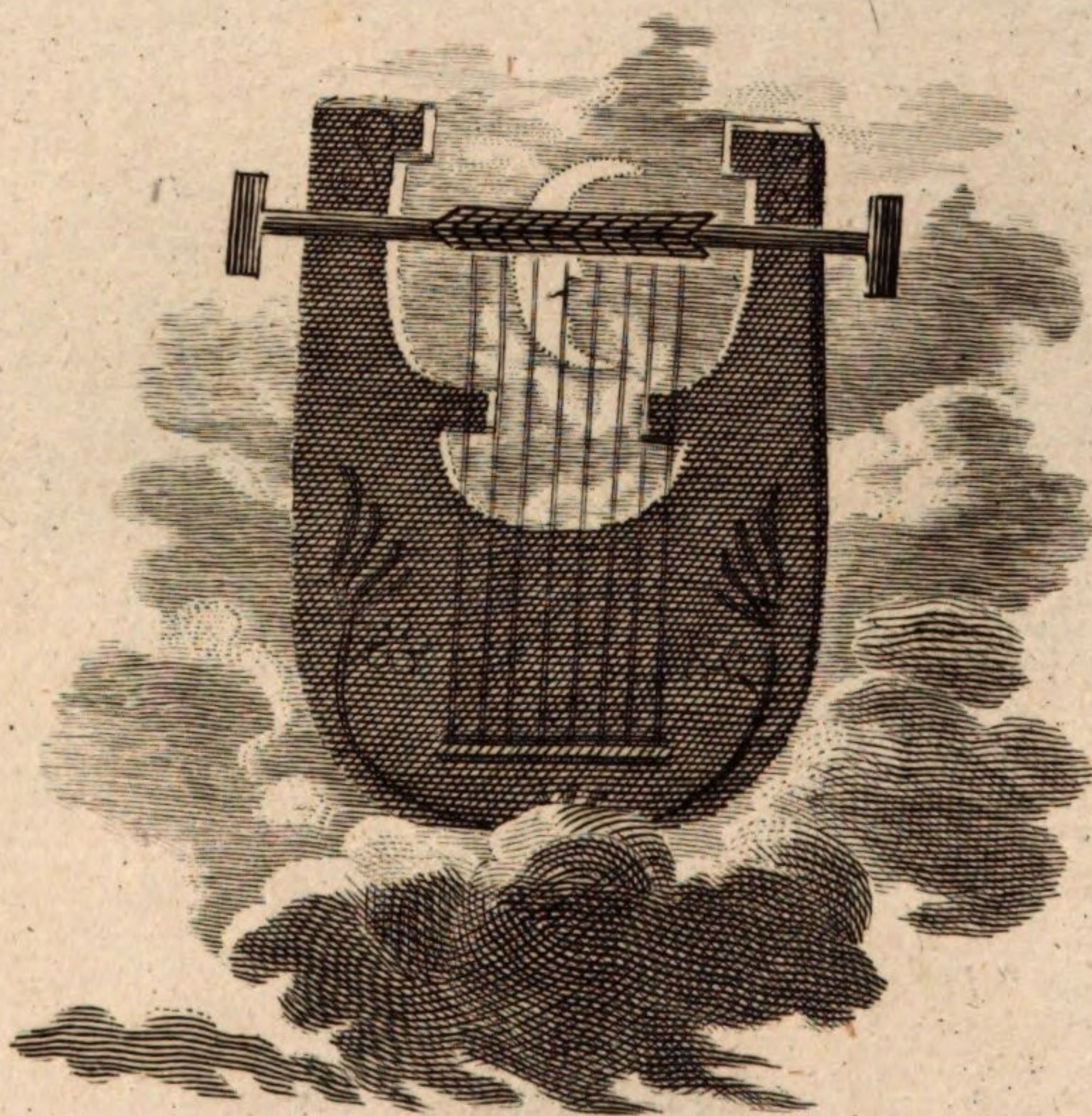
Иль сидя съ юнымъ другомъ, нѣжнымъ,
 Попрепывалъ его рукой;
 А взоромъ вкругъ себя прилѣжнымъ
 Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили,
 Поѣсть, попить и погоспить,
 Таланпы злапа подносили,
 Хошѣли съ нимъ друзьями бытъ:

Но онъ покой, любовь, свободу
 Чинамъ, богатству предпочелъ;
 Средь игръ, веселій, короводу,
 Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
 Шушилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
 И шутками себѣ такими
 Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйшесь, красоты Россійски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ Тійскій,
Дерзнулъ себѣ искашь вѣнка.

ПОГРЪШНОСТИ

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Напечатано :

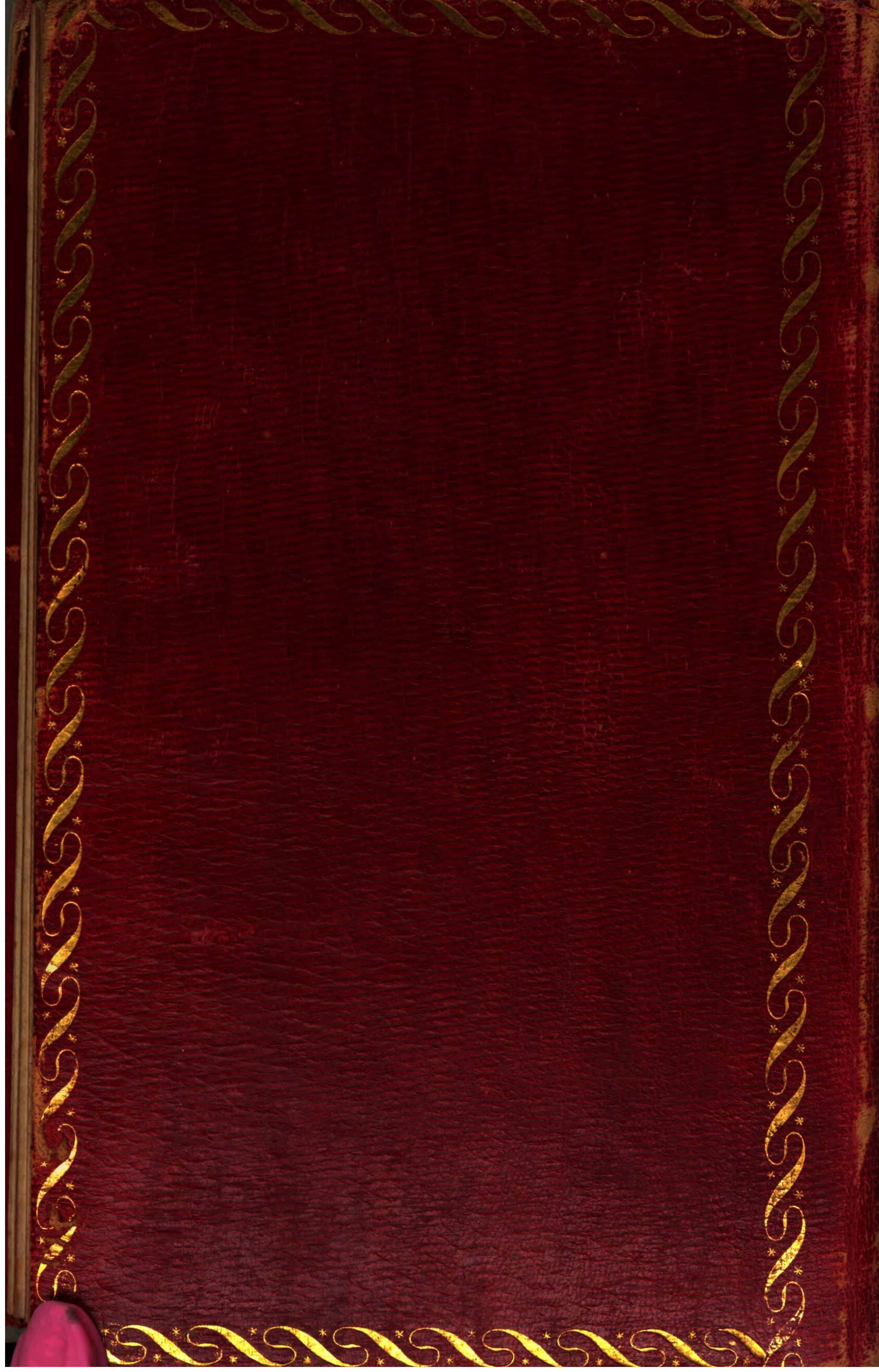
читай :

спран. спрок.

33	—	5	на спанищу	-	на спаницу
73	—	16	Естьли въ сердце		Ежели ужъ въ
			впился врагъ	-	сердцъ врагъ
99	—	12	не раздавилъ	-	не раскололъ
114	—	10	сласполюбіе	-	сласполюбію
121	—	9	но лысина ль	-	но лысина
	—	10	но шога ль	-	но шога
127	—	15	Блаженшно	-	Блаженшво
132	—	9	Зроровье	-	Здоровье
133	—	13			Кто подданнымъ
					отецъ
137	—	9	въ жнзни	-	въ жизни
158	—	2	на бумагъ пишь		на бумагъ пишь и
			и ѣшь	-	пѣшь
	—	4	будшо цвѣшь	-	молодѣшь
208	—	20	Души ихъ я ихъ		Души ихъ и ихъ
233	—	12	Зарь ихъ	-	Зарьныхъ

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina

Bd.: 3. 1808. - 237 S. m. Abb.

Sanktpeterburg 1808

P.o.russ. 60 c-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610054-0